Два ужасных мужа

Автор:
Галина Куликова

Два ужасных мужа

Галина Михайловна Куликова

Изящный детектив от Галины Куликовой

Тася Румянцева отправляется в отпуск с новым бойфрендом в надежде обрести долгожданное личное счастье. Красавец Илья собирается покатать ее по Калининграду на только что отреставрированном старинном автомобиле. Однако вместо отдыха Тася попадает в опасную переделку. Машина, которой Илья так гордится, предположительно принадлежала одному из вождей Третьего рейха, и этот факт очень волнует черных археологов. В то же время в Калининград приезжает бывший Тасин муж, много лет рыскающий по стране в поисках фашистских сокровищ. Ему на пятки наступают два идейных старикана, вознамерившиеся вернуть государству реликвию, спрятанную фашистами в конце войны в Кенигсберге. Но что это за реликвия, толком не знает ни один из кладоискателей…

Галина Куликова

Два ужасных мужа

– Какие же у тебя, подруга, ноги красивые, – заявил Степа, раскинувшись в громадном белом кресле и закурив. – Просто загляденье! Смотрю и любуюсь.

– Интересно, что ты хочешь услышать в ответ? – проворчала Тася, перегружая с подноса на журнальный столик традиционные принадлежности чайно-кофейной церемонии. – Вернуть комплимент я тебе все равно не смогу.

– Я и не напрашиваюсь, – великодушно ухмыльнулся Степа и аккуратно стряхнул пепел в блюдечко, которое пристроил на своем впалом животе. – Однако как человек искусства…

– Какого такого искусства? То, что ты со своими подельниками вытворяешь, искусством никак назвать нельзя.

Но Степа невозмутимо продолжил:

– …Не могу молча взирать на красоту, достойную кисти… Ну, хотя бы… Коровьева.

– Замолчи, ни слова больше! – фыркнула Тася и буквально свалилась в кресло напротив. Летнее солнце, брызнувшее в окно, подожгло ее рыжие кудри. Веснушки запылали на хорошеньком носу. – Ты должен закончить хотя бы одно приличное учебное заведение. А то ведь так и проживешь неучем.

– Что такого я сказал? – забеспокоился Степа. – Я имел в виду, что твою замечательную фигуру может оценить лишь большой художник, человек с безупречным вкусом, такой как…

– Константин Коровин!

– Да? – озадачился вдруг Степа. – А кто такой Коровьев? Ужасно знакомая фамилия.

– Может быть, это твой сосед по лестничной площадке? – насмешливо спросила Тася.

– Судя по выражению твоего лица, кажется, это не сосед…

– …А очередная отрыжка твоей многообещающей юности. Вероятно, давным-давно ты все-таки сунул нос в Булгакова, – посетовала Тася. – А теперь с увлечением читаешь только комменты в Фейсбуке.

– Ладно-ладно, – Степа быстро затушил сигарету и протянул худосочную руку к чашечке с кофе.

Он вообще был вызывающе тощим. Казалось, что его ребра, ключицы, колени, локти и другие косточки, позвонки и хрящики изо всех сил рвутся наружу. Одевался Степа хорошо, но несколько небрежно, был белобрыс и носил челку пай-мальчика – на косой пробор.

– Расскажи лучше, как ты собираешься провести свой отпуск, – перевел он разговор на другую тему. – Сколько свободного времени тебе выделил твой упырь? Дней пять максимум?

– Отпустил надолго! – похвасталась Тася, отпив глоточек чая.

– Неужели нашел себе источник свежей крови и сможет две недели обходиться без любимой помощницы?

– Не две недели, а месяц. Вот так-то.

– Не может быть! Наверное, сошел с ума. Или он в тебя втюрился?! – пришла вдруг Степе в голову неожиданная мысль. – Мы с тобой так долго не общались, я наверняка упустил массу интересного. Признайся, он за тобой ухлестывал? Кипели страсти роковые?

– У моего босса, кроме работы, ничего не кипит. А его единственная всепоглощающая страсть – это деньги. В силу преклонного возраста женщины его мало интересуют. Он и к собственной жене равнодушен, хотя она, на минуточку, на четверть века моложе его.

– На целых двадцать пять лет? – изумился Степан. – Тяжеловато мужику приходится. Понятно теперь, почему флиртовать с помощницей у него ни сил, ни желания…

– Не жалей упыря, – махнула рукой Тася. – У него абсолютно все в порядке. Только характер подкачал. Так он мне надоел с этим своим характером, сил моих нет. Подумываю уйти от него, уже начала искать новую работу. Но сначала – отпуск!

Тася села поудобнее и скрестила вытянутые ноги. Ногами она гордилась, хотя ни за что на свете не призналась бы в этом никому, в том числе и лучшему другу. Недавний Степкин комплимент, конечно, доставил ей удовольствие.

– Блеск твоих выразительных глаз, взволнованность и некоторая нервозность подсказывают мне, что важно не столько то, где ты проведешь свой долгожданный отпуск, сколько то, с кем ты его проведешь. – Светлые Степины брови выразительно поднялись вверх.

– Экий ты догадливый, – проворчала Тася и интригующе улыбнулась.

– Знаешь, я искренне боюсь расспрашивать. От твоих прежних увлечений у меня волосы вставали дыбом. Я уж не говорю о твоих бывших мужьях…

– Даже не вспоминай, – тяжело вздохнула Тася. – Я убеждаю себя, что это просто страшный сон. Ночной кошмар!

– Который в твоей жизни почему-то с завидным упорством повторяется. Когда дело касается мужиков, ты, Таська, становишься непроходимой дурой.

Они жили рядом и дружили с начальной школы. Дружба не прервалась и после того, как их жизненные пути разошлись. Тася поступила на истфак МГУ, потом недолго работала в школе, затем довольно долго – редактором в издательстве. Теперь же служила у известного писателя-фантаста литературным агентом и доверенным помощником. Дважды побывала замужем, оба раза неудачно.

Степа после школы учился в каких-то сомнительных платных вузах, ни один из которых не закончил. Специализацию он всегда выбирал одну – дизайн и реклама. Наверное, потому, что несколько лет по настоянию родителей прилежно посещал художественную школу. Поначалу он работал в рекламных агентствах и дизайн-бюро, но потом познакомился с группой независимых художников и стал организатором и участником шумных и скандальных выставок современного актуального искусства.

Все эти годы Тася и Степа не выпускали друг друга из виду, хотя у каждого были свои друзья, свои компании. Их отношения не омрачили любовные переживания, это была добрая и чистая дружба. Почему так получилось, Тася никогда не задумывалась.

– И как зовут твое новое увлечение? – спосил Степа, отхлебнув из чашки.

– Илья, – ответила Тася с невероятной гордостью. Как будто имя являлось своеобразным знаком качества.

– Надеюсь, не Муромец? Мне кажется, с тебя хватит огромных, волосатых и агрессивных мужчин.

– Ой, вот только не перегибай палку. Не все они были огромными и волосатыми. Кроме того, я уверена: тебе Илья понравится. Он веселый, симпатичный, умный…

– День и ночь читает Булгакова, – подхватил Степа.

Тася хрюкнула. Незнакомому человеку ее друг мог бы показаться язвительным и нетерпимым. Но она-то знала, насколько Степка добрый парень.

– Да, Илья много читает, и это сближает нас еще больше, – беззлобно ответила она. – Уверяю: будь ты женщиной, тебя сразили бы его высокий рост и спортивная фигура. А глаза у него…

– Замолчи, Румянцева. Ты так расписываешь своего Илью, что я вот-вот решу сменить сексуальную ориентацию.

– Меняй сколько хочешь, но этого парня я никому не уступлю. Он в самом деле потрясающий.

Тася ничуточки не преувеличивала. Нахваливая своего нового бойфренда, она рдела от удовольствия и удивлялась в душе, что ей так сказочно повезло. Конечно, она и сама не кикимора какая-нибудь, но ведь и не первая же красавица королевства.

– Короче, твой Илья – просто принц на белом коне, – констатировал Степа.

– Для меня – принц. Только не на белом коне – на белом «Хорьхе».

– На чем?! На хорьке? – поперхнувшись кофе, воскликнул Степа.

– Сам ты хорек! На белом «Хорьхе». Машина такая: немецкая, очень старая.

– Ах да, я что-то слышал. Ассоциируется почему-то с фашистами. Геббельс, Геринг…

– Все правильно, они и ездили на «Хорьхах». Автомобиль представительского класса, для руководителей и богатых людей Третьего рейха. Ты хоть знаешь, что это одна из лучших машин за всю историю автомобилестроения?

– Но сейчас-то это уже рухлядь, а не автотранспорт! Послушай, зачем тебе лох на старом автомобиле? Более состоятельного принца ты не могла найти? Если он в период ухаживания не может наскрести денег, чтобы катать тебя на новой машине, пусть даже и не самой престижной, то потом, когда ваши отношения станут совсем близкими…

– Глупый ты, Степка! Да ты знаешь, сколько такая тачка стоит? И потом… – вдруг рассердилась Тася, – при чем тут деньги? Мне нравится сам Илья. Вероятно, я влюбилась.

– Вероятно, – согласился Степа. – Причем настолько, что уже выучила все про старинные автомобили. Шпаришь, как по писаному. Так я не понял: твой принц Илья, он что – торговец подержанными автомобилями?

– Он не торговец, а коллекционер и реставратор. Коллекционирует редкие старые автомобили. Покупает их сломанными, иногда в совершенно плачевном состоянии, и своими руками восстанавливает.

– Вот теперь мне все понятно. Твой Илья – автослесарь. Так откуда у него деньги?

– Не автослесарь, а коллекционер, голова садовая! Понял? Да было бы тебе известно, Илья бывший спортсмен, автогонщик. Они с друзьями недавно открыли новый бизнес в Европе, тоже связанный с ретроавтомобилями. Несколько салонов, где можно взять напрокат старинную машину с водителем. Желающих море!

– И как тебя угораздило с ним познакомиться? Бывший автогонщик сбил тебя на пешеходном переходе? После чего на руках донес до больницы?

– Можешь издеваться, сколько хочешь, но мы и впрямь познакомились совсем как в кино, – воодушевилась Тася.

И вредный Степа тут же подсказал:

– В мелодраме.

– Удивительно красивая история! – продолжала Тася, сверкая глазами и не обращая внимания на Степины выпады. – Случилось это пару месяцев назад. Пошла я с Нелькой на крытый каток, она любительница массовых развлечений. И там был Илья со своим другом и его девушкой.

– Твой Илья еще и на коньках катается? – с преувеличенным восторгом спросил Степа. – Делает вращение «винт» и мастерски выполняет «кораблик»?

– Будешь издеваться, ничего не узнаешь, – пригрозила Тася. – Ой, да ладно, ты все равно будешь издеваться… Короче, представь себе: бело-голубой лед, каток освещен прожекторами. Народу много, все смеются, музыка играет… Настроение прямо новогоднее! Я в короткой юбочке разгоняюсь и мчусь вперед, ощущая себя Еленой Водорезовой, и вдруг зубец моего конька попадает на какую-то неровность, я подскакиваю вверх и лечу… Это было как в замедленной съемке. Я лечу и понимаю: еще немного – и я брякнусь на лед животом, а мои зубы разлетятся во все стороны. И тут прямо передо мной вырастает Илья. Он раскидывает руки и ловит меня! Хватает в охапку! Мы оба падаем, он на спину, а я сверху. И вот так я оказываюсь у него в объятиях…

– И вы целуетесь, лежа на льду! Слушай, а зачем он вообще поперся на каток? – наморщил лоб Степа.

Рассказчица кокетливо улыбнулась, продемонстрировав ямочки на щеках:

– Хотел познакомиться с какой-нибудь симпатичной девушкой.

– Ему что, лет четырнадцать?

– Двадцать семь, – засмеялась Тася.

– В двадцать семь лет не знакомятся на катке, – категорично заявил Степан.

– Ерунда! Люди знакомятся везде, даже в травмпунктах. Любовь – как инфекция. На кого, как говорится, бог пошлет…

– Значит, у тебя, Таська, слабый иммунитет, – сделал неожиданный вывод Степа. – Чуть что – и тебя уже накрыло. Два твоих ужасных мужа – лучшее тому доказательство.

– Даже не знаю, как это получается. – На лице Таси появилось раскаяние. – Я очень быстро втягиваюсь в отношения, они начинают развиваться, закручиваться, запутываться… Получается целый огромный клубок… А потом в какой-то момент – раз! – и я уже замужем.

Степа недоверчиво покачал головой:

– Не могу себе представить, чтобы я вдруг – раз! – и проснулся женатым. Да уж, Таська, с тобой не соскучишься. И ведь ты не ешь мухоморы, не нюхаешь толченые таблетки или еще чего похуже… Вероятно, в тебе романтики больше, чем здравого смысла. – Он посмотрел на подругу оценивающе. – Да что там! Ты нашпигована романтикой, как рождественский гусь грецкими орехами. И еще ты скрытая авантюристка. Мне кажется, попади ты в плохую компанию, ты стала бы какой-нибудь медвежатницей.

– Очень смешно, – проворчала Тася, наливая себе новую чашечку чаю. – Просто я излишне доверчивая. И первое впечатление о человеке может сбить меня с толку.

– А этот распрекрасный Илья – не какой-нибудь хлыщ, который пускает тебе пыль в глаза? Автогонщик, коллекционер… Все прямо как в бульварном романе. Кстати, что там было дальше? Я имею в виду – на катке? После того, как вы повалились друг на друга? Все-таки вы поцеловались или нет?

– Да ты что? Какие поцелуи? Илья здорово головой стукнулся. Я как честный человек пригласила его выпить чего-нибудь… Кофе или вина. В общем, бросила

я Нельку на произвол судьбы, а он – своего друга с девушкой. И мы вдвоем отправились в ресторан. Там поболтали, потанцевали… В общем, Степка, втюрилась я.

– И теперь вы вместе собираетесь провести отпуск, верно? – уточнил Степа.

– Да, в Прибалтике, на Янтарном берегу. Илья уже там и с нетерпением меня ждет. Билет на самолет у меня уже заказан.

– Умоляю тебя, никому об этом не рассказывай. Ни знакомым, ни боссу твоему, ни бывшим мужьям. А то получится, как в прошлый раз. Тоже, помнится, намечалась романтическая история аккурат во время отпуска. Очередной прекрасный принц ждал тебя в аэропорту, но… Не дождался. Глядишь, и этот мимо пролетит!

Тася мгновенно, без замаха, кинула в приятеля чайную ложечку, но промахнулась, и та со звоном ударилась о стену.

– Ты меня чуть не убила! – закричал Степа, вытаращив глаза. – За что?!

– Чтобы не каркал, – ответила Тася, глядя на него в упор. – А то раскаркаешься и спугнешь мое счастье. А я по личному счастью уже соскучилась. И везение необходимо мне как воздух.

* * *

Артур Швыряев с трудом открыл правый глаз, и в него сразу ударило яркое солнце. Он со стоном зажмурился, одновременно пытаясь понять, отчего не открывается левый. Сделав еще одно титаническое усилие, которое, впрочем, ни к чему не привело, Артур неуверенной, дрожащей рукой попытался ощупать лицо и ахнул – лицо опухло и сильно болело. Мысли, одна мрачней другой, тут же полезли в голову: глаз выбили, он станет инвалидом.

Господи, как же это случилось-то? Вроде драки никакой вчера не было. Или он так набрался в кабаке, что ничего не помнит? Да и в кабаке ли он пил? Может быть, у кого-то дома. Или на улице. Или в каком-нибудь притоне. Словом, ужас.

Его фантазия разгулялась вовсю. Накачанное загорелое тело покрылось противными холодными мурашками, а зубы непроизвольно принялись выстукивать дробь. И тут же знакомая похмельная боль ударила в виски. Артуру показалось, что прямо сейчас его череп расколется на несколько частей, образовав на подушке жуткий натюрморт.

Необходимо было срочно бежать к зеркалу, чтобы установить истинные масштабы постигшей его трагедии. Перевалившись через какое-то препятствие, мешавшее ему слезть с кровати, Артур, холодея от ужаса, направился в ванную. Зрячий глаз, нащупывая дорогу, горел безумным огнем, словно прожектор ночной подмосковной электрички. Добравшись до цели, Артур, почти теряя сознание от страха, некоторое время стоял перед зеркалом на трясущихся ногах, потупя взор и страшась взглянуть на свое отражение. Сейчас он был похож на невесту, которая должна впервые увидеть суженого-ряженого, а тот вполне может оказаться чудищем поганым.

Когда же он все-таки посмотрел на себя, то облегченно выдохнул – левая половина лица заплыла и превратилась в сплошной черно-лиловый синяк, зато глаз был на месте, хотя и напоминал заколоченную досками амбразуру.

Кто его так приложил, Артур вспомнить не мог. Впрочем, возможен был и другой вариант – неудачное падение. Наверное, кто-нибудь из вчерашних собутыльников расскажет, что с ним приключилось. Так или иначе, но пора было возвращаться в строй, начинать новый день. Разбитая физиономия не отменяла намеченных дел.

Артур полез под душ, немного поплескался, а потом сделал глубокий вдох и пустил ледяную воду. На голову ему обрушился Северный Ледовитый океан. Это принесло некоторое облегчение, и он направился обратно в спальню, насвистывая припухшими губами Yellow Submarin. Привести себя в порядок, позавтракать – и за работу.

Видимо, придется несколько дней посидеть дома – выйти с такой рожей к людям невозможно. Впрочем, нет худа без добра. У Артура буквально на днях появилась одна свеженькая идейка, которая требовала серьезного осмысления, а в ближайшей перспективе могла принести вполне реальные дивиденды. Поэтому временное заточение может даже пойти на пользу.

Как-то один из приятелей поинтересовался, где он берет деньги на существование.

– Для этого Господь создал женщин и Интернет, – легко ответил Швыряев. – Вокруг много богатых старух, а в Сети – богатых дураков. Те и другие просто напрашиваются, чтобы их немного пощипали красивые и умные молодые люди.

Он работал системным администратором, но не изменял своей главной жизненной установке. Став завзятым сетевым аферистом, он умудрялся периодически вытягивать из доверчивых граждан денежные суммы, иногда весьма значительные. Женщин он тоже не забывал. Они регулярно пополняли его бумажник. Но, к сожалению, кардинально финансовую ситуацию это не меняло. А Швыряев строил грандиозные планы, и ему нужно было много денег. Причем, говоря словами Остапа Бендера, не частями, а сразу.

Приковыляв в спальню, Артур решил немного прибраться. Свинства он не терпел, а беспорядок в квартире царил основательный. Для начала стоило поменять постельное белье. Продолжая насвистывать бессмертный битловский хит, Швыряев подошел к кровати и удивленно замер. Одеяло, которое он, проснувшись, сбросил с себя, не лежало, как обычно, в ногах. И не валялось неряшливой кучей в изголовье, а странно холмилось. Как будто под одеялом кто-то прятался.

Артур был абсолютно уверен, что в квартире он один. Поэтому он стоял и продолжал удивляться. «Может, я вчера спьяну приволок сюда диванные подушки?» – мелькнула нелепая мысль. В конце концов ему надоело раздумывать, он сделал шаг вперед, решительно ухватил легкое одеяло за угол и с силой дернул на себя.

Картина, представшая единственному ширяевскому глазу, повергла молодого человека в состояние сильнейшего замешательства. На его постели среди сбившихся шелковых простыней лежала миниатюрная девушка. На ней были розовые трусики и такого же цвета короткая маечка. «Сколько же я выпил вчера, что не помню, как привел бабу? Вряд ли меня посетила галлюцинация – после ледяного-то душа».

На всякий случай он все-таки сильно ущипнул себя, чтобы убедиться в реальности происходящего. Девушка не исчезла, а продолжала мирно лежать,

где лежала. Опознать ее Швыряев так и не смог. Значит – новое приобретение.

– Эй! – едва сумел выдавить Артур, лишившись на время не только левого глаза, но еще и голоса. – Давай вставай! Это… Типа… Уже утро.

Девушка не отреагировала. Она лежала неподвижно, не издавая никаких звуков – не сопела, не похрапывала и даже как будто не дышала.

– Если хочешь, я тебе кофе сварю, – обескровленным голосом предложил Швыряев, сглотнув. – Тебе с молоком или черный?

Так как неизвестная и этот вопрос проигнорировала, Артур сделал шаг вперед, протянул руку и потряс ее за плечо. Плечо было ледяным, и у Швыряева создалось впечатление, что он пытается разбудить манекен. Он толкнул его. Манекен каменно перевернулся на спину, и… Артур отскочил, как ошпаренный! На него накатила тошнота, и он сдавил горло двумя руками. Потом покачнулся и со стоном опустился на пол рядом с кроватью.

Трупы Швыряев видел только в кино, однако и его скромных познаний хватило, чтобы понять: девушка, странным образом оказавшаяся в его постели, мертва. Артур встал на четвереньки и тупо уставился в пол. Мысли мешались и прыгали в его голове, как шары в лототроне. Что делать? Что делать?! Вызвать врача? Уже поздно. Полицию? Но разве ментам объяснишь, что произошло? Они его как пить дать уволокут с собой, бросят в камеру, начнут допрашивать… Ведь неизвестно, отчего девчонка умерла! Крови нет, но это ничего не значит. Может, сердечный приступ, а может, Артур ее во сне случайно задушил! Да кто она вообще такая? Нет, нельзя звонить в полицию, надо как-то по-другому выпутываться.

Хотя его по-прежнему мутило, Швыряев встал на ноги и, схватившись за голову и скрючившись, как старик, стал нервно бродить по комнате, изредка бросая испуганные взгляды на неподвижное тело. «Может, поискать что-нибудь похожее в Интернете? Вдруг есть рекомендации на случай вот таких нештатных ситуаций? Господи, что только в голову не придет… Или позвонить какому-нибудь адвокату, чтобы проконсультировал… Глупость! Адвокат мне не поверит, посоветует признаться. А в чем мне признаваться? Что приютил у себя труп незнакомой девицы? Да и нет у меня на примете надежного адвоката… Так. Не паникуй, лучше подумай: кто реально сможет помочь?» И тут же понял, что

ответ все время лежал на поверхности. Он схватил айфон и набрал номер.

– Где тебя черти носят? – услышал он вместо приветствия пронзительный крик. – У нас с утра дикие проблемы с сайтом, мне Глебов трезвонит, а ты как сквозь землю провалился! Почему не отвечаешь на звонки?

– Ты погоди орать, – попросил Швыряев, отставив айфон подальше от уха. Голова раскалывалась, в ней сидел кто-то маленький, злой, с острым шилом в руке.

– Ты должен приходить на работу хотя бы в десять, а сейчас уже…

– Да погоди ты! – рявкнул Швыряев. – У меня тут ужасная проблема.

– Знаю я твои проблемы – напился и к бабам.

Вместо того чтобы возражать, как обычно, Артур смиренно сказал:

– Мне очень, очень нужна твоя помощь. Прямо сейчас. Ты можешь приехать?

– Куда приехать? – На том конце слышалось раздраженное сопение, готовое перерасти в очередной раскат грома.

– Ко мне домой. И это срочно.

Артур боязливо обернулся, словно труп незнакомки мог за это время встать с постели и двинуться к нему.

– Ехать к тебе домой? Ты шутишь?

– Да уж какие тут шутки… Дело серьезное.

Он отошел к окну, чтобы оказаться подальше от кровати. За окном стояло лето, и веселая синева билась в окна, будто вознамерилась перевалить через подоконник и затопить всю комнату. Внизу, во дворе, бегали и хохотали глупые дети. Они понятия не имели, что мир уже не такой, как раньше. Не такой, каким

был вчера.

– У меня сегодня до вечера все распланировано.

– У меня тоже было распланировано, но теперь планы к черту. Я тебе на месте объясню, что случилось. Выезжай прямо сейчас.

Закончив разговор, Артур прижал айфон к груди и сделал глубокий выдох. Кажется, он решил проблему. Точнее, позвал на помощь того, кто сможет ее грамотно решить.

Почувствовав облегчение, Швыряев сел на подоконник и замер. Он бы с удовольствием закрыл глаза или спрятался на кухне, но боялся оставить тело без присмотра. Конечно, он не верил в оживших мертвецов, но лучше точно знать, что манекен, который еще недавно был живой девушкой, по-прежнему неподвижно лежит на кровати.

* * *

История, которую припомнил Тасе Степа Горьков, случилась два года назад. В то утро она проснулась от странных звуков: что-то шипело, стрекотало и щелкало. Было похоже, что неподалеку искрит электрический кабель. Или догорает гигантский фейерверк.

К тому же по квартире распространился неприятный запах, напомнивший Тасе о школьной практике на стройке. Она бросила взгляд на будильник – шесть утра. Накинула халат и отправилась выяснить, что происходит. Немного порыскав по квартире, Тася определила, что источник звуков и запахов находится в районе входной двери. Причем снаружи, на лестничной площадке, поскольку в коридоре ничего подозрительного не обнаружилось.

Она посмотрела в «глазок», но ничего не увидела – за дверью была космическая темнота. «Странно, – подумала Тася. – Что за фигня такая? Может, дети «глазок» жвачкой залепили?» Выходить на площадку было страшновато – мало ли что там, снаружи? Но как еще разведаешь обстановку?

Отперев оба замка, Тася повернула ручку и толкнула дверь, однако ничего не произошло, железная дверь даже не шелохнулась. Толкнула сильнее – результат был тот же. Слегка растерявшись, Тася надавила на дверь плечом, но та стояла насмерть, как русский гренадер на Бородинском поле. В отчаянии она уперлась в подлую дверь обеими руками и даже головой. Но тут же забуксовала на скользком линолеуме, съехала вниз и едва не расквасила себе нос о дверную ручку.

– Эй! – крикнула она сердито. – Кто это там?! Что случилось?

Снаружи что-то явно происходило – до ее слуха доносились негромкие голоса, и периодически раздавался тот самый странный звук, который ее разбудил. Сев на корточки, она прислушалась, но разобрать слова было невозможно. Зато противный запах становился все сильней, и Тася испугалась, что неизвестные злоумышленники решили поджечь ее квартиру или развели на лестнице костер, а ее дверь чем-то забаррикадировали. А может быть, и двери соседей.

– Эй вы, откройте немедленно! – закричала Тася во весь голос и забарабанила по двери. – Откройте, не то я вызову полицию!

Но никто не отозвался на ее отчаянный крик. Уже не на шутку перепугавшись, Тася поскакала в комнату и бросилась к окну. Распахнула его и выглянула во двор. Внизу кто-то из соседей выгуливал таксу, и Тася попыталась привлечь к себе внимание, покричав и поразмахивав руками. Но поскольку жила она на шестнадцатом этаже, размахивание никакого эффекта не дало. Даже из окон никто не высунулся. Тася завопила еще громче и чуть не сорвала горло. Хозяин таксы наконец поднял голову, несколько секунд смотрел вверх, потом выразительно покрутил пальцем у виска. Вероятно, решил, что девица на шестнадцатом этаже пьяная или сумасшедшая.

– О времена, о нравы! – воскликнула Тася и со злостью захлопнула створки.

Ее охватывали то гнев, то страх, и из-за этого она не знала, что делать. То ли сидеть тихо, то ли продолжать вопить и колотить по батареям, чтобы кто-нибудь наконец проснулся и отважился выяснить, что происходит. Впрочем, надежды на такой исход мало. Справа живет глухая бабка с таким же глухим котом, а слева сейчас так и вообще никто не живет – соседи уехали на все лето за город.

Возвратившись в коридор и еще немного побросавшись на дверь, Тася вернулась в комнату и остановилась перед будильником, который взволнованно отсчитывал секунды на комоде. Уперла руки в бока и прикусила губу. Через два часа придет машина, на которой она должна ехать в аэропорт. В аэропорту ее будет ждать Мишин, с которым у нее, возможно – почти наверняка! – начнется нечеловечески прекрасный роман. По крайней мере Тася на это надеялась. Надо же было случиться такому именно сегодня!

Тася уже решилась было позвонить в полицию или в службу спасения, но замерла с трубкой в руке. А вдруг на лестнице какая-нибудь фигня на постном масле? Вдруг дверь подпирает что-нибудь совершенно безобидное – чей-то новый холодильник, например? Или, может быть, строители оставили на лестничной площадке какие-нибудь ящики? Но уж если полиция явится, то без протоколов или других каких бумажек точно не уедет. А времени-то в обрез!

И тогда Тася позвонила Степке Горькову, который жил совсем рядом. «Только бы он был дома, – тихо молилась Тася. – Только бы был дома!»

Степа оказался дома, но обругал ее последними словами.

– Куда вставать? Куда бежать? – кричал он хриплым со сна голосом. – Ты спятила, Румянцева? Сейчас еще семи нет! Я лег час назад.

– У меня случилась катастрофа, – сказала Тася и неожиданно для себя расплакалась.

Да ведь и было из-за чего! Мишин уже, наверное, едет в аэропорт, а она… Тася представила себе Мишина в светлых джинсах, гавайке и неизменных темных очках, его сногсшибательную улыбку и длинно, с подвыванием всхлипнула.

– Таська, это ты воешь? – уже совершенно проснувшимся голосом спросил Степа. – Что с тобой случилось-то?

– У меня входная дверь не открывается-а-а-а!

– Ну, мать, ты даешь! – рассердился Степа. – Тебе не меня надо звать, а слесаря. Ты же знаешь, мои руки не приспособлены для взламывания дверей. Вот

бутылку открыть я еще могу…

– Степка, я боюсь, у меня дымом воняет, кто-то снаружи ходит, шуршит и шепчется! – не желала сдаваться Тася. – И я не знаю – кто!

– Эй, ты чего паникуешь? В «глазок» посмотри!

– Он не работает! – продолжала стенать Тася.

Она так и видела Степку, который в трусах сидит на постели, свесив вниз тощие ноги, и разглагольствует о том, как следует поступить.

– Что значит – не работает? Это же «глазок», а не телевизор.

– Похоже, его чем-то залепили…

– Вот бред! – вздохнул Степа. – Ладно, жди, скоро буду, только джинсы надену.

– Ты там поосторожнее, – поспешно сказала Тася. – Не геройствуй, ладно? Тихонько поднимайся наверх или поезжай на лифте, но выйди этажом ниже. Мало ли что…

– Не беспокойся, справлюсь, если надо. У меня есть пистолет.

– Ты с ума сошел?! Перестрелку на моей лестничной площадке хочешь устроить?

– Он газовый, – успокоил ее Степа. – Из него убить не так-то просто.

Минут через пятнадцать томительного ожидания раздался звонок в дверь. Тася метнулась в коридор и машинально схватилась за дверную ручку. Но тут же громко закричала:

– Степа, это ты?

– Нет, это Фантомас, – раздался приглушенный металлической преградой знакомый голос. – Можешь посмотреть на меня.

– Да ведь «глазок» не работает, – возразила поглупевшая на нервной почве Тася.

– Работает, я его включил в розетку.

– Я переживаю, а ты шутки шутишь! – Она топнула ногой и чуть не отбила пятку.

– Перестань нервничать и посмотри на меня.

Тася осторожно прильнула к круглому смотровому стеклышку. На сей раз все было в порядке – перед ее взором маячила ухмыляющаяся физиономия друга Степы.

– Вижу! – обрадовалась Тася. Затем опасливо поинтересовалась: – А кроме тебя, там больше никого нет?

– Ни единой души. Правда, здесь жутко грязно и стоит очень странный запах.

– И никакой баррикады?

– Да ничего тут нет.

– Почему же я тогда дверь не могу открыть? Замок в порядке, ручка отлично поворачивается, язычок ходит туда-сюда… Не понимаю! Что-то явно мешает.

– Говорил же тебе, надо слесаря вызывать. Хотя воняет на площадке действительно будь здоров. Не зря ты волновалась из-за запаха. Как будто горело что-то.

– Степка, сделай что-нибудь, я же в отпуск улетаю! Опаздываю на самолет. У меня внутри уже все дрожит.

– Во сколько рейс? – деловито спросил Степа.

– В двенадцать тридцать пять!

В «глазок» Тася видела, что одет он в какие-то дикие штаны и рубашку навыпуск. Наверное, прячет там свой пугач.

– Может, и успеешь. С кем летишь? – Степа неожиданно нырнул вниз и скрылся из виду.

– Какая разница? С Мишиным лечу…

Голос снизу посоветовал:

– Лучше позвони ему сейчас, предупреди на всякий случай…

– Господи, да если я ему позвоню и начну лепетать про дверь, которая не открывается… У нас же еще самое начало романа! Он меня не поймет, точно не поймет.

– Если не поймет, значит, он не твой тип. Пусть тогда летит один, скатертью дорога.

– Как-то ты легко распоряжаешься моей личной жизнью! – возмутилась Тася и еще плотнее прижалась к «глазку». – Эй, ты где?

– Исследую дверь. Значит, самое начало романа, а Золушка превратилась в тыкву еще до полуночи.

– Если бы в тыкву превращалась сама Золушка, – проворчала Тася, – принц откинул бы копыта от страха еще в середине сказки.

– Низменные слесарно-бытовые проблемы прервали их любовный роман на взлете…

– Степа, я тебя задушу!

– Это за все хорошее, что я для тебя сделал? Погоди, погоди…

Вдруг Тася услышала еще чей-то голос и посмотрела в многострадальный «глазок» – на площадку, привлеченный шумом, вышел сосед, Геннадий Александрович. Тася знала, что сосед работает на каком-то заводе, так что вполне может оказать Степе посильную помощь. Мужчины о чем-то негромко переговорили – о чем, она не расслышала, и вместе стали осматривать металлическую дверь. Тася вся обратилась в слух. Старалась даже дышать потише.

– Таська! Ты здесь? – донесся до нее голос Степы. Голос был странный.

– Нет, улетела на Мальдивы через форточку! Ну, так что там такое?

– Знаешь, тебя заварили…

– Повтори!

– Заварили.

– Как это – заварили? Я что, пакетик с чаем?!

Степа отчетливо фыркнул.

– Дверь заварили. Твой сосед говорит, скорее всего электросваркой. Здесь слесарь не поможет.

Тася открыла рот, да так и осталась стоять. И стояла бы, наверное, еще долго, если бы в комнате не задребезжал телефон.

– Думаю, в МЧС пора звонить, – рассудительно вещал с лестничной площадки Степа. – Иначе как? Искать где-то сварочный аппарат? Да где его в такую рань найдешь? Интересно, кому такая шуточка в голову пришла? Ладно, вызываю спасателей, согласна?

Тася слабым голосом крикнула, что согласна, и на деревянных ногах прошествовала в комнату. Она думала, что названивает Мишин. Недоумевает, куда она подевалась. И что ему сказать?!

– Привет, – раздался в трубке хриплый, грубоватый голос. – Что ж, дорогуша… Желаю тебе с любовничком хорошего отдыха. Лети к нему, если из квартиры выберешься.

– Ах ты, подлый, низкий, дрянский… Ах ты, змей подколодный! – задохнулась было Тася, но змей уже прервал связь.

…Когда дверь была наконец вскрыта и спасатели уехали, зареванная Тася повела Степана на кухню пить кофе. К слову сказать, кофе ему пришлось варить самому, а заодно утирать подружкины слезы.

– У всех бывшие мужья, как бывшие мужья! – рыдала Тася, трубно сморкаясь в предложенное утешителем кухонное полотенце. – А у меня какой-то страшный бред. Такое впечатление, что эта скотина считает меня своей собственностью! Отслеживает все мои романы и рушит их…

– И сам не ам, и другим не дам, – поддакнул Степа.

– Дай мне твой пистолет, я его убью.

– Говорю же, из него убить проблематично. Искалечить можно.

Тася сузила глаза. Было ясно, что она живо представляет себе искалеченного Ефрема и заранее мстительно радуется.

– Знаешь, он меня так достал, что я могу спокойно нажать на спусковой крючок, – сообщила она.

– По-моему, сейчас ты готова убить своего благоверного одной только силой мысли, – покачал головой Степа. – В жизни не видел тебя такой рассвирепевшей.

Ефрем Рысаков был первым мужем Таси. Первым увлечением и первым настоящим кошмаром ее жизни. Она помнила его здоровым шпанистым парнем, который лучше всех во дворе катался на коньках, гонял в футбол, играл на гитаре. Ефрем выпивал, курил, дрался, верховодил компанией местных хулиганов и даже имел дело с какой-то криминальной группировкой. Тем не менее Тасе, которая тогда еще только заканчивала школу, этот отчаянный

парень нравился. Впрочем, сам Ефрем зеленоглазую отличницу в упор не замечал.

Потом Рысаков надолго исчез. Все думали – попал в тюрьму, но он ушел в армию. Отслужил в морской пехоте и, вернувшись, стал терроризировать родной микрорайон. Вот тогда, на Тасино несчастье, он и обратил на нее внимание.

Однако впоследствии, когда они уже развелись, Тася во всем винила себя. Она совершила традиционную женскую ошибку. Решила, что сможет переделать Ефрема. Она уповала на то, что, как только они поженятся, она тут же начнет на него правильно влиять. И ради любви к ней он переменится. Ухаживал Рысаков красиво, с размахом, в искренности его чувств Тася не сомневалась. С ней он всегда был заботлив, предупредителен и нежен.

Правда, Ефрем по-прежнему был резок, вспыльчив и груб с другими, однако Тася легкомысленно посчитала, что со временем сумеет привить ему хорошие манеры и научить ладить с окружающими. Кроме того, она собралась направить Рысакова на путь истинный, сделав порядочным бизнесменом.

Как ни отговаривали мама и подруги, Тася решила выйти замуж.

Действительность превзошла самые худшие опасения близких. Рысаков не желал становиться честным предпринимателем. Он по-прежнему занимался какими-то темными махинациями и общался со своими криминальными дружками. Но самое главное, Ефрем оказался патологически ревнив. Он ревновал молодую жену ко всем мужчинам, включая дворников, сантехников и стоматологов. Каждого подозреваемого он норовил избить до потери пульса. Однажды Рысаков выстрелил в таксиста, который капельку с Тасей пофлиртовал. Ефрем подслушивал ее телефонные разговоры, читал эсэмэски, шарил в компьютере, организовывал за женой слежку. Он ревновал ее даже к Степе, хотя прекрасно знал, что они дружат давным-давно и подозревать их глупо.

За год Тася вся извелась, похудела почти на десять килограммов и пыталась сбежать к подруге, но была силой возвращена домой и на неделю посажена под замок, отчего в издательстве, где она тогда работала, разразился скандал.

Именно в тот день Рысаков в первый раз ударил Тасю и пригрозил: еще раз попытаешься скрыться – убью. С грехом пополам они помирились, а потом Ефрема посадили на пять лет. Тася едва начала приходить в себя, как грянула амнистия, его выпустили, и все началось заново. Только добавились еще подозрения относительно того, как и с кем Тася проводила время, пока любимый муж парился на зоне. Угрозы закопать, порезать, пристрелить звучали в их доме через день.

Помочь никто не решался, все боялись Рысакова. Мама, которая по профессии была химиком и как раз только что сделала какое-то важное изобретение, твердила одно – я тебя предупреждала, ты меня не послушала, вот и расхлебывай сама.

От Степки, развернувшего тогда художественную деятельность в провинции и наездами бывавшего в Москве, Тася правду скрывала изо всех сил. Но однажды, приехав из очередной творческой командировки и заглянув на огонек, тот застал подругу детства в слезах и с внушительным синяком под глазом. Пришлось Тасе исповедоваться.

– И ты все это время молчала? Нет, я, конечно, кое о чем догадывался… Но вмешиваться не хотел. Все-таки твой муж, ты его полюбила и все такое. Зачем-то же ты вышла за него замуж, верно?

Тася смотрела на Степу, как побитая собака. От этого взгляда ему захотелось скрежетать зубами.

– Разводись с ним, немедленно, – приказал он.

– Да ведь он меня убьет!

– Ничего он тебе не сделает. Ефрем не самый крутой на белом свете. Если ты дашь «добро», я начну действовать. Умные слова, они ведь и до фонарного столба доходят.

– Хочешь попытаться его вразумить? – Тася недоверчиво оглядела хрупкую фигуру Степана и помотала головой. – Еще не хватало, чтобы Ефрем и тебе жизнь испоганил. Он ведь псих, искалечит тебя или вообще убьет на месте. Даже не вздумай к нему соваться.

– Я и не собираюсь к нему соваться, – заверил ее Степа. – С такими отморозками, как твой муженек, должны разговаривать правильные люди.

– Что это за правильные люди? – удивилась Тася.

– Неважно. У правильных людей есть правильные слова, – продолжал темнить Степа. – Допустим, я кое с кем знаком и могу обратиться с просьбой помочь. Устраивает тебя?

– Степа, я знаю всех твоих корешей. Они с ног до головы перепачканы акварелью, и у них даже на ногах музыкальные пальцы. А Рысаков ведь бандит, у него и друзья соответствующие…

– Ты, Таська, только согласие дай, больше от тебя ничего не требуется. Обещаю – Рысаков тебя отпустит. Разведешься с ним и забудешь, как страшный сон. Он к тебе больше никогда не сунется.

– Я в это не верю, – честно сказала Тася. – Если только его не пристрелят. Его же не пристрелят? – тут же ужаснулась она.

– Вот еще, руки марать, – презрительно бросил Степа. – Короче, подруга, собирай его чемоданы и выставляй к порогу, готовься к свободной жизни.

Появления мужа Тася ждала с ужасом. Однако Рысаков два дня дома не появлялся. Наконец все-таки явился и, не раздеваясь, протопал в гостиную. Плюхнувшись в кресло, долго молчал, исподлобья разглядывая забившуюся в угол дивана жену, словно видел ее впервые.

От нервного напряжения Тасю трясло. Она ожидала взрыва, воплей, размахивания кулаками, однако Ефрем спокойно заявил:

– Да… Круто ты забрала. Здесь я пас. Жаль, раньше не понял, что ты за птица, теперь поздно. Все вы бабы – змеи поганые. Провернула дельце за моей спиной! А ведь такая тихоня, и не подумаешь… Короче, чего ты хочешь?

– Я хочу развестись! – сказала Тася, поняв, что Степа выполнил обещание и чья-то твердая рука легла на шальное плечо безбашенного Рысакова. – И чтобы ты

убрался из моей квартиры сегодня же.

– Сегодня не могу, только…

– Сегодня, – с неожиданной для себя непреклонностью повторила Тася. – Или тебе надо еще раз объяснить?

– Пугаешь? – зловеще оскалился Ефрем. – Меня можно прогнуть, но не сломать. Пусть будет по-твоему, но смотри! Еще вспомнишь меня…

Рысаков встал и стремительно вышел из гостиной – пошел собирать вещи.

Тася попыталась выяснить у Степы, какой страшный волшебник укротил ее необузданного муженька. Но тот лишь отмахнулся, туманно бросив:

– Какая тебе разница? Главное, дело сделано.

Вскоре последовал развод, и с тех пор Тася с Ефремом не виделись, хотя бывший муж периодически напоминал о себе какими-нибудь дикими выходками. Но в случае с дверью он превзошел сам себя.

Мишин, которому Тася позвонила, дотянув до последней секунды, разумеется, решил, что его продинамили. Он оскорбился. Он сопел, разговаривал металлическим голосом и в конечном итоге попрощался так, что стало ясно – больше никаких свиданий, а уж тем более совместных отпусков не предвидится.

– Да он просто козел! Если бы мою девушку замуровали в квартире, я бы наплевал на Мальдивы и бросился на помощь.

– Но я Мишина и не звала на помощь, – резонно возразила Тася. – Знаешь, даже хорошо, что так вышло. Слишком уж он обидчивым оказался. Он, видишь ли, старался сделать наше путешествие волшебной сказкой, а я все испортила. Как будто я сама эту дверь заварила, а потом забралась по водосточной трубе обратно в квартиру, чтобы испортить ему сказку.

– А как же отпуск? – Степа смотрел на нее сочувственно.

Тася ненавидела этот его взгляд, поэтому преувеличенно бодро ответила:

– Поеду к маме на дачу. Может, все к лучшему, а то еще Рысаков аэропорт заминирует.

– И твое сердце не разбито? – на всякий случай уточнил Степа.

По его лицу трудно было понять, насколько сильно его это волнует. Тася поспешила его успокоить:

– Целехонько. Думаю, у меня еще будет волшебная сказка. С кем-нибудь другим.

* * *

На черном небе сияла луна. В ее голубоватом колдовском свете на книжных полках мерцали целлофанированные обложки. Полки занимали всю стену – книг было очень много. Они стояли, как экипированные в новое обмундирование призывники, выстроившиеся в шеренги по приказу главнокомандующего.

Силуян сел на кровати и потянулся за сигаретами. Врачи активно не рекомендовали ему курить, но сейчас он решил наплевать на их запреты. За последние несколько месяцев бессонница совершенно измучила его, снотворное не помогало. Лишь курево примиряло его с этими тягостными ночными бдениями.

Когда-то папа с мамой учили сынишку – если не можешь уснуть, медленно считай белых слонов. Досчитаешь до ста, и сон к тебе придет. Но белых слонов он боялся еще больше темноты. В зоопарке и на картинках мальчик видел слонов исключительно серого цвета, поэтому белые казались ему очень страшными. И маленький Альфред, или Алик, как обычно его звали, пытался вести счет торопливым шелестящим звукам, которые издавала стрелка настенных часов, отсчитывая секунды. И быстро, спокойно засыпал. Вернуться бы в ту счастливую пору!

Закурив, он вновь обвел задумчивым взглядом ряды мерцающих книг и усмехнулся. Теперь, перевалив за шестой десяток, он мог считать не белых слонов, а собственные книги, которых он написал уже более сотни. Один

корешок, два корешка, один роман, два романа… Эта мысль показалась ему забавной, и он решил вставить ее в очередную книгу.

Докурив, включил свет и подсел к компьютеру – вдруг удастся немного поработать? Но по опыту знал – ничего хорошего сейчас, среди ночи, не придумает. Так и вышло. Промаявшись около трех часов, он наконец забылся беспокойным, тяжелым сном прямо в кресле…

…Городской телефон заливался пронзительными трелями уже давно, поэтому пришлось подойти. В трубке раздался металлический голос главного редактора издательства:

– Мы приняли решение ставить на обложке ваших романов имя Альфред Шислер.

– Вы с ума сошли! – закричал он в ответ. – Мой псевдоним – Силуян Космос. Все книги вышли под этим псевдонимом, читатели ничего не поймут! Они знают меня как Силуяна Космоса!

– А теперь будут знать под именем Шислера, – гнул свое редактор. – Мы все объясним людям, проведем пресс-конференции, дадим объявления в СМИ.

– Но зачем это нужно? Я ничего не понимаю.

– Вам и не надо ничего понимать, вы же писатель, – захохотал собеседник. – В общем, с сегодняшнего дня будете Аликом Шислером.

– Я и так Алик Шислер! То есть Альфред. Но ведь именно вы много лет назад заставили меня стать Силуяном Космосом, сказав, что моим родным именем можно подписывать только заметки фенолога или шахматные обозрения. Но не фантастические саги.

– Правильно, но теперь я изменил свое мнение.

– Но я протестую!!

С этими словами разъяренный писатель бросил трубку и… проснулся от того, что едва не вывалился из кресла.

«Надо же, какой бред приснился, – подумал он, массируя затекшую ногу. – Нужно перебраться на кровать и заснуть нормально».

Однако за окном луну уже давно сменило яркое солнце, и спать ему расхотелось. В этот момент раздалось тарахтение кофеварки – видимо, на работу собиралась жена Эльвира. Мысль о кофе показалась Силуяну привлекательной, и он поплелся на кухню.

– О, Фреди! – Эльвира в знак приветствия приподняла чашечку. – Что-то ты рано. Плохо спал?

– Голова болит, ночью почти глаз не сомкнул. И не называй меня этим дурацким именем!

Силуян был высоким, плотным, осанистым. Благородно отступившие ото лба волосы, седые виски. Большую часть времени он носил маску волевого, целеустремленного мужчины, но когда оставался один на один с самим собой, маска сползала, и миру являлось вялое пресыщенное лицо. Как будто он взял от жизни все. Выжал ее досуха, высосал, как бутылку пива.

– А что в нем плохого? – не сдавалась Эльвира. – Альфред, Фреди… По-моему, симпатично.

– Добавь еще – Крюгер, и будет просто чудесно.

– Маньяка-убийцу звали, если мне память не изменяет, Фредерик, и в сокращенном варианте его имени «д» – удвоенное…

– Перестань кривляться, дай лучше кофе.

– И чего ты злишься? Тебе плохо, а я-то здесь при чем? Принял бы снотворное и спал нормально. Хочешь, я попрошу Дарью Михайловну, она тебе выпишет что-нибудь успокаивающее…

– Например, цианистый калий. Вы все ждете моей смерти.

– Ну, вот, опять завел любимую пластинку, – закатила глаза Эльвира.

Каждое утро, едва выйдя из душа, она наводила красоту, тщательно прокрашивая каждую ресничку. Эльвира знала, что хороша собой, и увлеченно работала над деталями. Легкий загар, пухлые губы, ни грамма лишнего жира… Все это можно купить за деньги, если приложить к деньгам немного воли. Воли у нее было хоть отбавляй.

– Тебе надо отдохнуть, съездить на море или в горы… Нельзя столько работать, – посетовала она, изображая заботливую жену.

Впрочем, почему – изображая? Здоровье и работоспособность Силуяна были залогом ее безбедной жизни.

– Если я начну разъезжать по морям и валяться на пляжах, у тебя не будет денег на побрякушки и тряпки. А также машины, которые ты меняешь каждый год, как заводная.

– Для твоей же безопасности, – Эльвира повела бровью и посмотрела на мужа в упор.

В который уже раз тому показалось, что ее зрачки сделаны из очень твердого искусственного сплава. Он не уступил их нажиму и фыркнул:

– Для моей? Ты же сама на них целыми днями раскатываешь.

– Но и тебя вожу.

– Пару раз в год, после долгих уговоров.

Кофе, как всегда, был великолепным. Его жена никогда не покупала что придется: выискивала люксовые сорта, интересовалась обжаркой и экологичностью упаковки.

– Объясни, чего ты взъелся? – удивилась Эльвира. – Не хочешь, чтобы я звала тебя Фреди – не буду. Но имя Алик тебе самому не надоело?

– Когда замуж выходила, тебе оно нравилось, – развредничался Силуян.

Давешний сон все еще легкой дымкой туманил ему голову.

– Никогда не нравилось. Есть в нем что-то несерьезное. Так и представляется шалопай с усиками. А ты у нас почти классик, надо соответствовать. Как тебе, например, Фрейди? Старикашка Фрейд наверняка не обидится там, у себя! – Эльвира потыкала пальцем в потолок. – Что скажешь? По-моему, оригинально, сексуально и респектабельно.

– Тебе не пора на службу? – раздраженно прервал ее веселье Силуян.

– Увы, надо бежать. Не дуйся, милый, я же шучу. У тебя прекрасное мужественное имя. Пока! Если буду задерживаться – позвоню.

Когда за женой захлопнулась дверь, Силуян сварил себе еще кофе и, шаркая тапочками, направился в кабинет. «Интересно, почему так совпало, – вдруг подумал он, – что тему ночного разговора с главным редактором гармонично продолжила Эльвира? Ведь ей ничего про сон не было известно».

– Удивительно, – бормотал он, расхаживая вдоль полок с книгами. – Как такое можно объяснить? Еще одна загадка, подброшенная невзначай, словно в шутку, высшим разумом. Только вот для разгадок знания не дают. Не доросли люди.

Немного поразмышляв над странным совпадением, Силуян незаметно переключился на другую волну. Его взаимоотношения с Эльвирой за последние несколько лет совершенно расстроились. И то сказать – они продержались вместе долго, очень долго. Поженились целых пятнадцать лет назад. Он тогда находился в зените славы: гигантские тиражи, поездки, встречи с читателями, нескончаемые телевизионные съемки. Неудивительно, что он расслабился… И влюбился в яркую, бойкую журналистку. Разница в четверть века его не испугала. Ее, кажется, тоже.

У Эльвиры было красивое русалочье тело и собачья хватка. Это сочетание делало ее в глазах Силуяна поистине неотразимой. Он ненавидел кисейных барышень и характер жены ценил высоко. Однако в последнее время стал думать, что та уж слишком увлеклась самостоятельностью. Раньше она фокусировалась на нем, теперь он был только расплывчатым фоном ее жизни. В

шестьдесят пять не очень-то приятно иметь под боком безразличную, стремящуюся вон из дому супругу. Еще немного, и она превратится в совершенно чужую женщину. Которую вдобавок он еще и обязан содержать, что выливается ежемесячно в очень приличные суммы.

Но долго предаваться мрачным мыслям было не в правилах Силуяна. Наступивший день обещал быть интересным. Предстояло срочно внести довольно значительные поправки в сценарий фильма, который снимался по его роману «Бластер отдай врагу». С режиссером и сценаристами он бился не на жизнь, а на смерть, почти как главный герой этого самого «Бластера». Они хотели поменять все! Включая имена, характеры, внешность, бэкграунд… И оставить только завязку и развязку, начинив середину всякой бредовой хренью. Нет уж, он не позволит прикрывать бесталанную отсебятину громким именем Силуяна Космоса! У них, видишь ли, собственное понимание силуяновского творчества. Вот сейчас он им и продемонстрирует, чего стоят их жалкие потуги. Пусть учатся у мастера, пока тот еще жив.

Силуян с детства обожал фантастику, скупал все, что находил в книжных магазинах, даже выменивал книги у друзей. Потом появилась мечта стать писателем. И именно писателем-фантастом! Никем иным. Работая буквально день и ночь, он создавал роман за романом и через некоторое время сделался одним из любимейших авторов многочисленной армии почитателей этого литературного жанра. В работе ему очень помогло образование – физфак университета. Поэтому с описанием научно-технических достижений земных и внеземных цивилизаций он не затруднялся. А уж воображением бог его наделил щедрее некуда.

Ко всему прочему Силуян любил работать с архивами. Прошлое наравне с будущим всегда интриговало его, давало пищу для новых замыслов. Именно это сочетание – фантастическое будущее и историческое прошлое – делало его книги уникальными и весьма популярными.

Архивы государственные, частные, столичные, провинциальные были ему одинаково интересны. В каждый новый архив он входил с трепетом, словно в пещеру Али-Бабы, где спрятаны сокровища. Да ведь так оно и было! Новые уникальные знания, исторические загадки, информационные сюрпризы – всем этим щедро дарили писателя-фантаста большие и малые собрания документов. Однако то, что обнаружил Силуян некоторое время назад, грозило повернуть уже, казалось, состоявшуюся жизнь в совершенно иное русло.

Тоненькую серую папку он нашел в скромном архиве клуба ветеранов Великой Отечественной войны «Доблесть». Он открыл ее с привычным любопытством, а когда закрывал, руки у него дрожали от волнения. Он забрал папку с собой, принес домой и принялся тщательно изучать. Призвав на помощь Интернет и книги, начал просеивать информацию, компоновать данные. Каждой находке радовался, как ребенок.

Тайна, к которой ему посчастливилось прикоснуться, будоражила воображение и заставляла кровь бежать быстрее.

И сегодня, прежде чем взяться за сценарий, Силуян снова достал заветные листочки и флешку, на которой хранились результаты его импровизированного расследования. Взвесил флешку на ладони и прикрыл глаза. Мысль о том, что никто на свете не знает того, что теперь знает он, заставила его губы растянуться в улыбке. Да весь мир встанет на уши, когда Силуян Космос откроет миру правду. Восток, Запад, Соединенные Штаты… Журналисты всего мира слетятся, чтобы взять у него интервью!

Силуян снова открыл глаза и аккуратно положил флешку в пластиковый кармашек внутри папки. Не-е-ет, он не будет прятать ее в сейф, иначе какой-нибудь вор может случайно завладеть его сокровщем. Он оставит папку среди других бумаг на своем рабочем столе. Он умен. И до поры до времени будет держать рот на замке. Как там у Шекспира? «Держи подальше мысль от языка, а необдуманную мысль – от действий…» Он начнет действовать, только когда будет уверен в том, что идет по правильному пути.

* * *

– А твой упырь в курсе, где и с кем ты собираешься проводить отпуск? – поинтересовался Степа.

– Ну, я ему говорила, что еду на Балтику, но в детали не вдавалась. Зачем ему детали? А уж про Илью мне бы и в голову не пришло ему рассказывать. У нас с Силуяном чисто деловые отношения.

– Он не называет тебя деточкой и не чешет пальцем под подбородком?

– Я же не кошка, – фыркнула Тася. – Нет, он ведет себя интеллигентно. Что не мешает ему пить мою кровь.

– Интеллигентный кровопийца, – подытожил Степа. – Слушай, я не понял, а вы с Ильей после катка вообще-то встречались?

– Ну конечно встречались! – воскликнула Тася. – Правда, свидания были короткими, как-то так вышло, что мы оба оказались страшно заняты. Но теперь все изменится! У нас есть шанс узнать друг друга поближе.

– Куда уж ближе, вы же вместе лежали на льду!

– Если честно, мы еще толком даже не целовались, – призналась Тася и быстро приложила ладони к щекам. Ей показалось, что щеки предательски горят.

– Значит, впереди – холодная Балтика, зато горячая любовь?

– Хочется верить. Впрочем, сейчас там жарко и море довольно теплое. У тебя-то какие планы на лето?

– Да надо в Европу скатать – в Мюнхене и Амстердаме наши две большие выставки организуют. Потом я Маринку обещал недели на две в Мексику вывезти. Поплавать, позагорать… Она постоянно жалуется, что нас связывает исключительно секс, и это для нее вроде как оскорбительно.

– А поездка в Мексику вас сразу сблизит духовно, – хмыкнула Тася.

Степина Маринка ей не нравилась, и скрывать этого она не собиралась.

– Меня вообще не прельщает духовная близость с женщиной, – важно заявил Степа. – Мне и тебя с лихвой хватает для духовного общения.

– Короче, ты все лето будешь где-то мотаться, – Тася вздохнула. – Хотя бы звони иногда. И вообще будь на связи. Мало ли что!

– Давай обойдемся без «мало ли что».

– Давай! Да не волнуйся ты. Я просто лечу к Илье, и мы вместе будем отдыхать.

– Ты, Таська, девушка стремная, у тебя «просто» ничего не бывает. То замуж внезапно выйдешь не за того, за кого надо, то тебя в квартире замуруют… Знаешь, я действительно буду звонить и проверять, как ты. Если, конечно, Маринка не вмешается. Ей наши с тобой отношения категорически не нравятся.

– А мне, наоборот, очень даже нравятся, – заявила Тася и игриво подмигнула.

Закрыв за Степой дверь, Тася покружилась на месте, раскинув руки.

– Ура! – крикнула она во весь голос. – Отпуск начинается!

Завтра утром – на самолет, который за два часа перенесет ее на Янтарное побережье. А сегодня – пропасть всяких дел. Подготовить одежду, собрать чемодан, зайти к соседке, которая будет кормить любимого попугая Шуру, и так далее, и тому подобное.

Начать она решила с самого неприятного – прощального звонка работодателю.

– Альфред Исаевич, я завтра улетаю, поэтому хотела попрощаться и еще раз уточнить…

– Да, помню, – послышался раздраженный голос писателя. – Тася, сколько раз я просил! От твоих обращений у меня начинается раздвоение личности. Зови меня, как называют все нормальные люди… Кроме моей жены.

– Но я занимаюсь вашими делами, а во всех документах вы значитесь…

– Вот и пусть все это останется в документах. В жизни я Силуян Космос, уже сроднился с этим именем. Так что ты хотела сказать?

– В компьютере вы найдете план мероприятий на ближайший месяц. Там же – координаты людей, с которыми назначены встречи, и темы, которые предстоит обсудить. Отдельно – график встреч с журналистами, места и время съемок на телевидении. Еще не забудьте, что вам надо подписать два договора. Только

сначала прочитайте документы, они лежат в верхнем ящике стола, в тонкой серой папке…

– В какой еще папке? – сердито переспросил Силуян.

– В тонкой папке, серовато-бежевой. Там была еще одна, такая же по цвету, я ее убрала вниз, чтобы вы не перепутали. Но их на самом деле перепутать сложно, во второй какие-то старые бумаги. Вы уж извините, что я посамовольничала и немного прибралась на вашем столе, зато теперь там полный порядок. Значит, пятнадцатого числа вам позвонят юристы, они помогут, если будут возражения и замечания. Я на связи, звоните, если понадоблюсь.

– Как же ты невовремя идешь в отпуск! Столько дел… Надеюсь, это в последний раз.

– Как это – в последний раз? – удивилась Тася. – Я же не раб на галерах, и отпуск положен по законодательству.

– Я имел в виду, что в последний раз отпускаю тебя так надолго. Месяц! Мыслимое ли дело? О чем, интересно, я думал, когда разрешал такое? Ладно уж, гуляй. Я начинаю новый роман, поэтому все бумажные дела оставлю до твоего возвращения. И следи за тем, чтобы твой мобильный не разряжался.

– Это я вам обещаю, – облегченно вздохнула Тася и быстренько распрощалась с занудой Космосом.

Сборы были закончены лишь во втором часу ночи, и Тася с удовольствием завалилась спать. Визит к соседке, Шуриной будущей кормилице, она отложила на утро.

Проснулась Тася очень рано и в самом превосходном расположении духа. Долго нежилась под душем, а потом, включив какую-то легкомысленную музыку, неторопливо пила на кухне кофе.

Позвонил Илья:

– Тась, привет. А я тебя уже жду! Аэропорт украшен цветами, к месту посадки твоего самолета раскатывают ковровую дорожку.

Она с удовольствием слушала его низкий, приятный голос.

– А белый лимузин?

– Будет ждать тебя у трапа. Между прочим, я могу вынести тебя из самолета на руках.

– Правда? – кокетливо засмеялась Тася. – Потому что я маленькая и компактная?

– Маленькая, компактная и ужасно тяжелая. Помнишь, как ты повалила меня на лед? У меня до сих пор голова кружится. И вовсе не оттого, что я стукнулся затылком.

– Я уже предвкушаю нашу встречу, – сказала Тася, сияя от удовольствия.

– Надеюсь, у тебя нет друзей в нашем городе? – неожиданно спросил Илья. – А то вдруг тебя захочет встретить кто-то другой?

– Другой? Где же я себе найду другого на таком замечательном автомобиле?

– Это верно, не найдешь. Очень большая редкость!

– Короче, готовься к торжественной встрече. А я пошла пристраивать своего многострадального попугая. Бедный Шура, как он тут будет без меня?

– Я ему ужасно сочувствую, так как знаю, насколько плохо может быть без тебя. Подумай обо мне тоже.

– Ну, сравнил себя с попугаем!

Они еще немного поболтали, посмеялись и расстались, почти счастливые.

Положив трубку, Тася посмотрела на часы – действительно, пора было идти к соседке. Взяв здоровенную клетку с нахохлившимся Шурой, который всем своим видом выражал отвращение к хозяйскому самоуправству и произволу, Тася отперла замки и толкнула входную дверь. Однако дверь не открылась, лишь немного подалась вперед. Тогда она пнула ее ногой, но и это не помогло – снаружи явно что-то мешало. Тася содрогнулась. И тут же взмолилась:

– О, нет! Только не это! Пожалуйста!

Мысли лихорадочно заметались. Не может быть, чтобы Рысаков вновь взялся за старое. А если это так, то мерзкому гаду больше не жить. Ее терпение лопнуло, и что-нибудь тяжелое на тупую рысаковскую башку она обязательно уронит.

Поставив клетку на пол, Тася плечом навалилась на дверь. Железное полотно уступило усилиям и еще немного приоткрылось. Образовалась небольшая щель, в которую Тася попыталась просунуть голову.

Увиденное ее не обрадовало. Прямо у двери, на полу, кто-то лежал. Во всяком случае, Тася увидела белую руку и кудрявую голову.

– Эй, вы! – позвала Тася. Но потом подумала, что это наверняка пьяница, наркоман или бомж, и отбросила вежливый тон: – Эй, ты! Что ты там разлегся? Мне надо дверь открыть! Немедленно вставай и убирайся отсюда!

Ноль эмоций. Пьяный, наркоман или бомж безмолвствовал. Тася мельком глянула на попугая. Шура, склонив голову набок и предельно округлив глаза, со страстью футбольного фаната наблюдал за происходящим. Наверное, надеялся, что фортуна улыбнется ему, и клетку поставят обратно на знакомый уютный столик.

Тася сделала глубокий вдох, словно ей предстояло погружение без акваланга, и предприняла еще одну попытку выйти из квартиры. На сей раз щель оказалась достаточной, чтобы протиснуть в нее плечо, однако целиком выдраться наружу все-таки не получилось.

Вдруг она услышала, что на этаже остановился лифт. Раздался характерный звук раздвигающихся дверей.

– На помощь! – крикнула что было сил Тася. – Пожалуйста!

– Таисия, почему ты так неприлично громко кричишь? – раздался знакомый квакающий голос, от которого у Таси мгновенно обострился позабытый гастрит. – Как всегда, наводишь панику. Ведь все можно сделать спокойно…

– Ты чего сюда приперся? – на секунду забыв о своих горестях, рявкнула она.

– Не приперся, а пришел, точнее – приехал. На лифте. А до этого ехал на метро и троллейбусе. Мы можем поговорить нормально? Впусти меня, я хочу…

– Разуй глаза, Копейкин! Как я тебя впущу, если не могу открыть дверь и выйти из квартиры? Там кто-то разлегся и мешает.

– Действительно, – квакнули из-за двери. – Здесь лежит какая-то женщина. Нет, скорее девушка. И она не совсем лежит. Если быть точным, отчасти висит.

– Как это – висит?

В кваканье отчетливо прозвучали назидательные лекторские интонации.

– Видишь ли, Таисия, это выглядит совершенно дико, но одна рука девушки прикована наручником к твоей двери. Поэтому она отчасти висит, отчасти лежит. И ногами упирается в коляску, которая стоит возле соседской квартиры. Мне кажется, из-за коляски ты никак не можешь столкнуть ее с места и полностью открыть дверь. Мне представляется сомнительным, чтобы эта особа сама себя приковала. Наверное, это сделал кто-то другой… Пока она была в состоянии невменяемости. Она и сейчас именно в таком состоянии.

– А то я не поняла! Копейкин, отцепи ее от двери как-нибудь. Отодвинь хотя бы коляску. Мне надо вылезти из квартиры, отдать попугая соседке, мне лететь скоро…

– Сейчас я ее потормошу. Хотя это не совсем прилично, ведь я ее совершенно не знаю…

– Вы потом познакомитесь.

– Может быть, ты ее знаешь? – не унимался Копейкин.

– Господи, ну откуда я могу знать, знаю ли я ее! Я же ее не вижу. С ума с тобой сойдешь. Действуй, Копейкин, не стой, как этажерка.

– Хорошо, только не кричи. Сейчас портфель поставлю и попробую привести ее в чувство.

Послышалось шуршание, затем кваканье возобновилось:

– Эй, девушка, с вами все в порядке? Посмотрите на меня. Вы меня слышите?

Судя по всему, с девушкой было не все в порядке. В сердце Таси начал медленно вползать страх. Неужели высшие силы вычеркнули ее из списка нормальных людей? Прав Степка – вокруг нее постоянно происходит что-то нелепое и даже страшное.

Тася жалобно застонала и прислонилась к стене. Появление Копейкина, с одной стороны, давало шанс решить неожиданную проблему без привлечения соседей и полиции. Но с другой – грозило превратить оставшиеся до отлета немногие часы в кромешный ад. Если, конечно, ей вообще удастся улететь.

Юлий Копейкин был вторым по счету мужем Таси Румянцевой. К счастью, тоже бывшим.

После феерического первого брака Тасе очень хотелось тишины, домашнего тепла, беззаботных дней, уютных вечеров. И чтобы рядом был мужчина любящий, спокойный и рассудительный. Который не имел бы дворового прошлого и дружков-бандитов. Именно таким ей вначале и показался ученый-археолог Юлий Копейкин. Она познакомилась с ним, когда поступила в аспирантуру.

На фоне брутального Рысакова потомственный интеллигент Копейкин смотрелся очень выигрышно. Довольно симпатичный, воспитанный, из семьи научных работников. Ухаживал Юлий по всем правилам, развлекал интересными байками из жизни археологов, расширял Тасин кругозор, так как был весьма начитан. Благосостояние собирался повышать без помощи кулаков и пистолета. Правда,

Тасю слегка обескураживал его специфически-квакающий голос, но – боже мой! – какой ерундой казалось это по сравнению со всем тем, что ей пришлось пережить. Еще Копейкин отличался излишним многословием, но поначалу Тасю это даже восхищало.

Соглашаясь стать женой Копейкина, она понимала, что большого богатства Юлий в семью не принесет. Она готовилась стать верной спутницей молодого начинающего ученого, который лишь своим трудом и талантом пробивает дорогу в жизни, изредка получая признание в виде какой-нибудь международной или государственной премии.

Действительность разнесла наивные иллюзии вдребезги. Тася вскоре поняла, что в лице ее новоиспеченного супруга археология вряд получит новое светило или хотя бы скромного неутомимого энтузиаста-труженика.

Милый интеллигент на поверку оказался безрассудным авантюристом худшего разбора, праздным мечтателем и вечной жертвой финансовых пирамид и всяческих темных афер. Он разорял семью, вкладывая деньги в банки, которые потом обязательно лопались, играл во все существующие лотереи, неизменно проигрывая все подчистую. Забросив науку, он вербовал единомышленников, чтобы вместе с ними искать библиотеку Ивана Грозного, золото инков, сокровища затонувших кораблей, секретную базу НЛО, места обитания исчезнувших миллионы лет назад динозавров.

Денег не было, они сидели по уши в долгах, и конца кошмару не предвиделось.

Хуже всего то, что Копейкин искренне мечтал, чтобы жена прониклась его идеями. Тася, доведенная до отчаяния нелепой семейной жизнью, пробовала бороться, но все было тщетно. В итоге после двух лет совместных мучений они развелись.

Однако и после развода Копейкин не оставил Тасю в покое, продолжая таскаться к бывшей жене. Обычно это происходило, когда Юлий начинал новый безумный проект. Цель у Копейкина всегда была одна. Ясная и чистая, как дорога к коммунизму, уговорить бывшую жену финансово поддержать очередное многообещающее предприятие. Иными словами, позаимствовать сколько-нибудь денег.

– Копейкин, – крикнула Тася, испугав притихшего в клетке Шуру. Попугай забегал по жердочке и заквохтал. – Ты говоришь, что девушка в наручниках, верно? Может быть, ключ от наручников где-то рядом валяется? Или посмотри у нее в кармане. Надо ведь что-то делать.

– Ключа от наручников нигде нет, – квакнуло за дверью. – А спрашивать у нее самой бесполезно, по-моему, она умерла.

Тася закрыла глаза. Худшие ее опасения сбывались.

– Ты уверен? – спросила она все еще твердым голосом. – Или просто издеваешься?

– Ничего я не издеваюсь, – обиделся второй бывший муж. – Умерла, причем уже давно. Я ее потрогал – она совершенно ледяная, как из морозилки.

– Из мор-р-розилки! – отчетливо повторил Шура.

Тася посмотрела на попугая круглыми глазами, и тот издевательски захохотал, копируя квакающие интонации Копейкина.

* * *

Поговорив с помощницей, Силуян повалился в кресло и нервно закурил. Его мозг заработал с удвоенной, утроенной энергией. Мысли мчались наперегонки, причем первыми финишировали самые мрачные. Тася Румянцева видела серую папку! Она держала ее в руках и даже убрала в нижний ящик стола. С одной стороны, она человек ответственный и серьезный. С другой стороны, ей всего двадцать с чем-то лет! В таком возрасте девушки отличаются неуемным любопытством и ветреностью. Черт ее разберет, эту Румянцеву! Вдруг она тайком просматривает все его бумаги? Может быть, она и флешку проверила, кто ее знает? А если прочитала внимательно и все поняла? «Нет, вряд ли, – стал сам себя уговаривать Силуян. – Нечего бояться. Если бы она проверяла флешку, никогда бы не напомнила ему про серую папку. Не полная же она дура. То есть она вообще не дура, и тут не знаешь, то ли радоваться этому, то ли огорчаться».

Силуян откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, вспоминая, с чего все началось…

О существовании этого архива он случайно узнал от соседа по даче, Сергея Григорьевича Позднышева. Старик практически круглый год жил в поселке, лишь изредка выбираясь в город по делам. Родные его навещали редко, поэтому он скучал без собеседников и всегда был рад пообщаться с Силуяном, почтительно называя его «товарищ писатель». Силуян, который приезжал на дачу, чтобы поработать в тишине и покое, с удовольствием отвлекался на разговоры. Позднышев, несмотря на свои восемьдесят восемь лет, сохранил ясность ума и был интересным собеседником. Однажды во время совместного послеобеденного чаепития он задал вопрос, который, видимо, давно его мучил:

– Скажи, а ты всю свою заковыристую фантастику из головы выдумываешь? Или какие-то специальные книги читаешь, изучаешь научные труды?

Они сидели на веранде, глядя в грушевый сад, воздух был теплым и нежным, запах скошенной травы щекотал ноздри. Стада белых капустниц паслись на цветущих грядках; под смородиновым кустом, сторожа мировой порядок, спал хмурый лохматый кот.

– В основном, конечно, из головы, – усмехнулся Силуян, не в силах оторвать глаз от этой красоты. – Труды изучаю, но только в порядке самообразования. Чужого брать не могу, надо свое изобретать. К тому же современная наука науке будущего плохой помощник. Так что, Сергей Григорьевич, приходится включать фантазию.

Позднышев потренькал ложкой в чашке со старомодными цветочками, потом запустил ложку в большую банку и потянул оттуда стеклянную нить меда.

– Значит, того, что в твоих книгах написано, в действительности нет и не будет, так можно понимать?

– А вот этого никто не знает. Может, и будет. Ведь говорят же, что человек не способен выдумать такого, чего в природе не существует. Так уж его мозг устроен. Просто писателю силой своего воображения удается проникать в иные миры, переноситься в другие эпохи. В общем, видеть то, что не могут видеть обычные люди.

– Ты хочешь сказать, что писатели – необыкновенные люди? Вроде как волшебники? – укоризненно покачал головой Позднышев. – Ты это брось, не выдумывай. Фантазии всякие – это я еще понимаю.

Различив в голосе хозяина недовольные нотки, кот приоткрыл мармеладные глаза и предостерегающе посмотрел на Силуяна. Тот усмехнулся.

– Да ладно, Сергей Григорьевич, это же я так просто. Кстати, не только фантазии помогают книжки писать. Вот сейчас я уже несколько месяцев сижу в архиве, собираю материал для будущей книги. И никакого волшебства здесь нет.

– В архиве? – удивился старик. – Но там ведь все о прошлом, а тебе про будущее надо.

– Так ведь любое будущее строится на прошлом. И потом, мне нравится писать фантастику, построенную на историческом фундаменте. Я ведь уже практически все более-менее значимые архивы перерыл, так что…

– Интересная у вас, писателей, работа, – хмыкнул Сергей Григорьевич. – Но я не думал, что тебе тоже нужно копаться в старых документах. Те, кто исторические романы пишет, понимаю, но фантасты!

Силуян мог бы поклясться, что в душе деда борются старческая вредность и простое человеческое любопытство. Ему хотелось поучить жизни «товарища писателя», но ссориться было жаль – собеседник ведь может уплыть, беседуй тогда с котом…

– Да ведь там можно хорошую тему зацепить. И это очень подпитывает вдохновение.

– Скажи на милость! – недоверчиво покрутил седой головой Позднышев. – Знаешь, Силуян, меня однажды едва не назначили заместителем начальника архива Министерства обороны.

– Серьезно?

Силуян вдруг понял, что интереснее стариков собеседников просто не бывает. Они сами как живые архивы, и в их памяти зачастую хранятся такие детали, которых ни в одной бумажке не найдешь.

– Ты думаешь – шучу? – обиделся Позднышев. – Номенклатура! Знаешь, что это?

«Почти девяносто лет, а гонору хоть отбавляй. Забавно!» – про себя усмехнулся Силуян, а вслух сказал:

– Слышал, конечно.

– Слышал, тоже мне! Номенклатура – это сила. Раз туда попал – считай, жизнь удалась. Сколько я должностей поменял, и всегда это были ответственные назначения. Партия посылала нас на самые сложные участки. И мы всегда оправдывали высокое доверие!

Кот на всякий случай переселился из-под куста на веранду и лег так, чтобы держать гостя в поле зрения. Поза его казалась расслабленной, но уши были настороже. «Тоже мне, кавказская овчарка, – подумал Силуян, улыбнувшись. – Хотя скотинка ничего себе, откормленная. И зубы у него, небось, как у циркулярной пилы».

– Как же все-таки с архивом? – напомнил он, подливая старику чай.

– Мне предложили подумать, я отказался. Скучной показалась работа – быть начальником над бумажками. А я люблю живое дело, общение с людьми. Тогда и освоение целины велось, и освоение космоса, промышленность развивали. Большие дела делали! Вот я и отказался, попросился на более ответственный участок работы.

– И никогда не жалели? Интересно ведь.

– Да я вообще про то забыл. Ты вот сказал про архивы, я и вспомнил. Говорю же – возня с бумажками мне всегда была не по сердцу. Так что жалеть – не жалел. Однако понимаю, что дело это нужное. В нашем совете ветеранов мы организовали собственный архив – закачаешься. Знаешь, интересно получилось – народ приносил уникальные документы, письма, фотографии. Так что

начальником архива я все-таки стал. Но уже другого, общественного. Жаль, теперь это никому не нужно. Наверняка после моей смерти все на помойку выкинут.

– Почему – на помойку? – удивился Силуян.

Кот тоже удивился – открыл глаза и посмотрел на людей недоверчиво.

– Так ведь из тех, кто войну прошел, в живых почти никого. У нас в совете ветеранов три человека осталось, из них я один своими ногами хожу. Пытались договориться с библиотеками, школами, специалистов к себе звали – все без толку! У одних помещений нет, у других – фондов на обработку и содержание, третьи говорят, что бессистемно собранные документы их не интересуют. Ты бы хоть, что ли, похлопотал – жалко ведь, история страны как-никак. Героическая история!

– Слушай, Сергей Григорьевич, а это мысль, – загорелся идеей Силуян, который действительно обожал копаться в старых документах. Разглагольствуя о вдохновении, он не врал. – Можно мне как-нибудь подъехать, взглянуть?

– Да конечно, я дам тебе ключ – поезжай, разберись, посмотри, может, что и пригодится для твоих книжек. Я сам уже давно туда не заглядывал, редко в Москве стал бывать. А там, глядишь, пристроишь кому-нибудь. Я позвоню Аркадию, он на хозяйстве остался, предупрежу.

После этого разговора прошло больше двух месяцев. Силуяна закрутило в водовороте более важных дел, и он забыл о намерении заняться самодеятельным архивом ветеранской организации. Но однажды ему позвонил Позднышев:

– Ты уж извини, Силуян, что беспокою, но дело вот какое. Ты хотел на архив наш глянуть, однако не дождались тебя. Но вот новая беда – две комнаты у нас забирают, районные власти мудрят. Надо вывозить архив, негде его теперь хранить. А куда вывозить – неизвестно.

– Сергей Григорьевич, обещаю – приеду завтра же, – твердо пообещал Силуян старику. – Все посмотрю и заодно выясню насчет помещения.

Почти неделю провел он в маленьких пыльных комнатках, разбирая документы, кое-как сваленные на грубо сколоченные стеллажи. Чтобы ему не помешали, Силуян предварительно сделал несколько нужных звонков и получил заверения, что ветеранские помещения пока оставят в покое. Правда, сюда и без того никто не заглядывал. Тоскливое запустение свидетельствовало только об одном – следующим пунктом пребывания собранных за долгие годы материалов, вероятнее всего, станет городская свалка.

Тонкую папку из грубоватого серого картона он обнаружил на шестой день раскопок. В верхнем правом углу разглядел затертые буквы СС-ОВ. Такое Силуяну уже доводилось встречать. Это означало: совершенно секретно – особой важности. Он подумал, что папка с грозной аббревиатурой, скорее всего, использовалась не по назначению. Может быть, давным-давно в ней и помещались какие-то страшные государственные тайны, но сейчас там наверняка лежат вырезки из старых газет, фронтовые любительские снимки, письма с фронта или что-то похожее.

Но в папке лежало нечто иное – три основательно пожелтевших стандартных листа бумаги, прихваченные стальной скрепкой, такой блестящей, словно ее изготовили пару дней назад.

И Силуян тайно, по-воровски, унес серую папку домой. Ни Позднышеву, ни его заместителю Аркадию Ивановичу он не сказал ни слова.

Разве мог он предвидеть, что именно с этих выцвевших страниц начнется история, которая внезапно приобретет не только мистический, но и откровенно зловещий характер.

Силуян снова вернулся мыслями к Тасе Румянцевой. Невозможно выяснить, поняла она, что держала в руках, или нет – ведь уезжает на целый месяц в отпуск! Не бежать же сейчас к ней с расспросами или лететь следом… Куда там она собралась со своим хахалем? Она ведь говорила ему на днях…

Тут Силуян буквально подпрыгнул в кресле. Она едет отдыхать на Янтарный берег! Вообще-то странный выбор для современной молодой женщины. Бермуды, Сейшелы, Флорида, Мальдивы, Хорватия, Черногория – это было бы понятно. Но Калининградская область с довольно холодным морем и специфическим климатом…

Что это – блажь, случайное совпадение? Или ушлая девчонка что-то разнюхала и теперь хочет разыграть собственную карту?

Силуян вспомнил Тасю, ее серьезную мордашку, ответственное отношение к любому поручению… Нет, пожалуй, хитрости в ней не больше, чем в корзинке с вязанием. Она сразу произвела на него впечатление человека порядочного. Однако и самые порядочные иногда не могут устоять, когда появляется возможность сорвать огромный куш.

* * *

Эльвира гнала машину так, словно в городе отменили правила дорожного движения. Опаздывала она катастрофически – с одиннадцати часов в своем офисе на Арбате ее ждал Малинин, вице-президент «Интермаш холдинга». Эльвира добивалась встречи с этим неуловимым, но очень влиятельным человеком больше полугода. И вот когда все получилось – вдруг такая незадача. Ее звонок с извинениями, ссылками на форс-мажор и пробки был встречен холодно. Эльвира буквально умолила этого надменного барбоса немного сместить рандеву.

– В двенадцать я уеду, – без всякого выражения сообщил Малинин. – Заодно хочу предупредить – вторично к этому вопросу возвращаться не буду.

«Только дождись, – шептала Эльвира, пролетев очередной светофор практически на красный свет и ловко подрезав какой-то отчаянно загудевший «Фиат». – Главное – дождись, а там я из тебя душу выну. Вернешься к вопросу о деньгах как миленький. Причем неоднократно».

Эльвира была вполне уверена в себе и своих возможностях влиять на людей любого ранга. Приехав в Москву из маленького городка в Читинской области, она довольно быстро преуспела. Твердость, решительность, беспринципность, умение общаться с людьми и втираться в доверие в конце концов привели ее в журналистику. Начав работать в глянцевых журналах, она постепенно пришла к парадоксальному выводу, что гораздо больше ей нравится писать про криминал.

Презрев то, что криминальную тему крепко держали в руках мужчины, Эльвира смело вторглась на опасную территорию. Год за годом она укрепляла свои

позиции, расширяя влияние и оттесняя конкурентов. В конце концов она оказалась владелицей небольшой продюсерской компании «Криминальная изюминка», поставлявшей телевизионным каналам программы и фильмы, а также информационного портала «Преступность нон-стоп», который, впрочем, еще предстояло раскручивать.

Помимо этого, Эльвире удалось выйти замуж за популярного Силуяна Космоса. Даже особых усилий прикладывать не пришлось. Еще работая в глянцевых журналах, она договорилась с писателем-фантастом об интервью и окрутила его на раз-два: облизнулась и проглотила, как пирожное. Благо внешностью и фигурой бог ее не обидел. Помимо материального благополучия, замужество принесло еще и иные дивиденды: она стала статусной дамой, вхожей в круги, ранее недоступные молодой провинциалке.

При этом Эльвира так поставила дело, что пожилой муж был в основном для протокола, а для чувств и прочих удовольствий находились более темпераментные мужчины. В общем, жизнь складывалась, как чудесная песня, лишь одно обстоятельство слегка омрачало ее существование – фамилия. От рождения и поныне она оставалась Хомячковой. И замужество совсем не помогло! Стать Эльвирой Шислер или, того хуже, Эльвирой Космос она совсем не жаждала. Впрочем, это была лишь ложечка дегтя в бочке меда. В очень большой бочке…

Эльвира мельком взглянула на часы – половина двенадцатого. Вот черт! Если по дороге попадется хоть одна пробка, это будет катастрофа. Малинин – денежный мешок, который вполне способен отсыпать немножко наличности для финансирования ее телевизионных проектов. И надо же такому случиться, что именно в тот момент, когда дело было наполовину сделано, она почти что сорвала жизненно важную встречу, да еще не по своей вине. Идиотизм! А все потому, что нарушила «золотое правило Эльвиры» – заниматься только своими собственными проблемами. Иногда хочется просто удавить эту гадину, которая то и дело отравляет ей жизнь. Веселенький денек получается, ничего не скажешь!

…Без семи минут двенадцать Эльвира своей фирменной походочкой вошла в громадный кабинет Малинина. Вернее, вплыла. Тот нехотя отложил бумаги и сообщил:

– У вас мало времени. В двенадцать я уже должен быть на пути в аэропорт.

– Ну и отлично, – Эльвира продемонстрировала улыбку чеширской кошки. – Чем меньше времени, тем проще нам договориться.

– Да неужели? – саркастически переспросил тот.

Это был мужчина средних лет, с тяжелой челюстью, тяжелым взглядом и тяжелым характером. Неприлично дорогой костюм маскировал его волчью сущность. Когда самоуверенные птички попадали к нему в зубы, от них только перышки да лапки оставались.

– Мы с вами сразу перейдем к сути, а не будем ходить вокруг да около, чтобы в результате решить вопрос за две минуты. Я даже не присяду.

– Да нет уж, садитесь, – вице-президент указал на стоящее напротив его стола кресло. И в порыве недружелюбной вежливости даже слегка оторвал поджарый волчий зад от стула.

Эльвира села и так выразительно закинула ногу на ногу, что сидящий напротив волк едва не тявкнул по-собачьи.

– Как я вам и сказала, все проще пареной репы…

Через несколько минут переговорщица, улыбаясь, вышла из кабинета, имея твердое заверение Малинина о финансировании корпорацией «Интермаш холдинг» двух многообещающих телевизионных проектов: документального сериала и цикла передач. «Краткость, четкость и наглость – сестры таланта», – творчески переосмыслила Эльвира известный постулат Антона Павловича.

Уже на улице ее обогнал Малинин, сопровождаемый двумя охранниками. Они направлялись к черному лимузину, стоящему у подъезда.

– Еще увидимся, – кивнул ей на ходу вице-президент. – После моего возвращения.

«Увидимся, дорогуша, куда же ты денешься, – усмехнулась про себя Эльвира. – Смотрю, ты уже по-другому запел. А то – уеду, уеду…»

Дождавшись, пока черный лимузин скроется за поворотом, она деловито огляделась, заметила на противоположной стороне улицы маленькое кафе и направилась туда. Заказав чашку кофе, сделала несколько оперативных звонков и только после этого позволила себе немного расслабиться и подумать о личной жизни. Набрала номер и прижала трубку к уху.

– Привет, это я. – Она искусственно смягчила голос.

– Ну, привет.

– Что так мрачно? Ты мне не рад?

На самом деле вопрос был риторическим – Эльвира и мысли не допускала, что кто-то может быть ей не рад.

– Рад, просто чувствую себя погано… Голова разламывается. И глотку как будто песком набили. Слышишь, как хриплю?

– У тебя от выпивки гланды склеились, – сказала Эльвира. – Пора перестать день и ночь коктейли тянуть. Давай приводи себя в порядок – сегодня вечером нужно встретиться.

– Да ладно, не наезжай. Кстати, я не успел с тобой кое-чем поделиться. Касается твоего шибздика.

– Его фамилия Шислер. И что, интересно, ты можешь знать о нем такого, чего не знаю я?

– Вечером расскажу, – пообещал ее собеседник. – Да, и тут еще одно дельце нарисовалось. Офигенное, я тебе скажу. Можно бабла срубить немерено. Но ты должна помочь, а не то…

– Встретимся, обсудим. И запомни – я тебе ничего не должна, забудь об этом. Сам принимай решения, не маленький. Ты на работе?

– Нет еще, – неохотно проскрипел голос.

– С ума сошел? Хочешь, чтобы тебя турнули?

– Не шуми, уже выдвигаюсь. Ты небось тоже не из офиса звонишь.

Официантка принесла кофе и положила рядом ложечку и маленькое печенье на блюдце. Вместо благодарности Эльвира смерила ее взглядом заводчика, оценивающего щенка на выставке. Щенок получил низший балл и быстро ретировался.

– Я, к твоему сведению, уже нашла инвестора, – сообщила она с законной гордостью.

– Это хорошо. Может, он и меня заодно профинансирует?

«Самец одноклеточный, – раздраженно думала Эльвира, садясь в машину. – Только пить, качать мышцы и в постели кувыркаться, больше ни на что не способен. Мне нужен локомотив для моих проектов, а не бессмысленный балласт. Каждый, кто входит в мою жизнь, должен отработать свое появление. Иначе зачем пускать?»

* * *

Следователь уехал, оперативники разбежались опрашивать соседей, труп неизвестной девушки увезли врачи. Тася, обессиленная и потерявшая веру во все хорошее, угрюмо сидела на кухне и смотрела, как нудный Копейкин заваривает чай по рецепту исчезнувшего много лет назад племени джиноки. Ингредиенты – какие-то травы, цветы, листья деревьев и тому подобный высушенный мусор – Юлий таскал с собой в особой жестяной коробочке, а иногда уже готовый в маленьком термосе. И хотя чудодейственный чай не спас племя от вымирания, Копейкин пил его при каждом удобном случае и очень любил угощать окружающих.

– Вот, уже готов, можно употреблять, – заявил он с таким гордым видом, словно только что родил тройню. – Тебе надо отхлебнуть капельку, и ты сразу почувствуешь прилив сил.

– Мне не нужны силы! Хлебай сам эту гадость. И вообще, оставь меня в покое, мне плохо.

– Сделай хотя бы глоток, – не обращая внимания на Тасины слова, зудел Копейкин. – К нему бы еще хорошо ложечку дикого меда. Но где достать дикий мед? Я как-то специально снарядил небольшую экспедицию в джунгли. Это, надо тебе доложить, тяжелое испытание даже для таких специалистов, как я. Ведь без навыков залезать на высоченные деревья, где пчелы строят гнезда, невероятно опасно. Я падал два раза, сломал руку. Хотя, прошу заметить, незадолго до этого прошел специальную подготовку на базе альпинистов…

Внешность Копейкина настолько не соответствовала его внутренней сущности, что это даже обескураживало. Он был строен, подтянут, приятен лицом и наводил на мысль о дипломе с отличием и молочной диете. Вот только квакающий голос разрушал очарование, а нечеловеческое занудство довершало дело.

– Моего напарника почти до смерти зажалили, – продолжал повествовать Копейкин. – Потому что он забыл поджечь дымовуху. Вообще, надо сказать, подобные экспедиции хороши еще и тем, что повадки пчел можно наблюдать в естественной среде, а не в искусственно созданных человеком условиях. Сказать по правде, пчелы мне очень близки как вид.

– Напиши книжку «Копейкин – покровитель пчел», – сказала Тася, глядя в стол. – Наверняка прославишься.

– А ты знаешь, например, что пчела для многих ныне существующих племен является объектом поклонения? Есть поверье, что души предков переселяются именно в пчел. Только вот не помню, у кого именно.

– Послушай, Юлий, – перебила этот поток сознания Тася. – Я тебе, конечно, благодарна за помощь и за то, что взял на себя общение с полицией…

На самом деле Копейкин заговорил полицейских так, что бедные мужики попросту сбежали.

– Да-а? – заныл тот. – Легко тебе говорить, они тебя почти не допрашивали. А вот меня они вывернули наизнанку, прямо голова разболелась. Когда выяснилось,

что я твой бывший муж, их страшно заинтересовала причина развода. Я, разумеется, подробнейшим образом объяснил суть твоих ко мне претензий. Тут-то они и заявили – раз у меня есть склонность к быстрому обогащению, значит, я по натуре авантюрист. И вполне способен на подобные проделки. То есть могу приковать наручниками к двери мертвого человека, чтобы отомстить или потребовать денег.

– Ты им сказал, что хочешь требовать у меня денег? – изумилась Тася. – Из ряда вон выходящая откровенность.

Она сидела за кухонным столом, обхватив голову руками, и глядела на второго бывшего мужа с чувством глубокого неудовольствия.

– Нет, я не сказал, но, честно говоря, я пришел к тебе с одним фантастическим предложением. Я потом объясню, чтобы…

– Нет.

– Что – нет?

– Денег нет. И не надо ничего объяснять.

Копейкин понюхал свой ужасный чай, разгрыз снежно-белыми зубами кусок рафинада и с жаром возразил:

– Погоди, ты еще не знаешь…

– Сказала – нет. Лучше просвети меня, чем закончилось дело с полицией.

– Оно еще не закончилось, только начинается, к твоему сведению. Так вот. О моем общении с полицейскими. Они стали чуть ли не обвинять меня в том, что это именно я принес труп и приковал к твоей двери. Вроде как я тебя шантажировал, понимаешь? Но я им на это ответил, что даже худшие из авантюристов не идут на убийство. Потом я рассказал, что у тебя есть еще один бывший муж, самый настоящий бандит, который тебя бил и держал в страхе. А после развода продолжает угрожать и делать гадости.

– Ты рассказал им про Рысакова?! – не поверила Тася.

– Естественно, – непринужденно кивнул Юлий, отхлебнув свой зловонный чай. – И вот тогда они выкинули номер – предположили, что я и Рысаков вступили в сговор. Он убил девушку, а я помог ему организовать эту отвратительную инсталляцию. В общем, мы едва не подрались. Я им говорю – ищите Рысакова, а они говорят – разберемся без посторонней помощи. Я им стал доказывать, ссылаясь на литературные источники, что они выбрали неправильный путь…

– На какие источники? – против воли заинтересовалась Тася.

Пораженная рассказом Копейкина, она даже перестала поддерживать голову руками.

– В первую очередь – на Достоевского, – незамутненным голосом ответил тот. – Посоветовал перечитать «Преступление и наказание», «Игрока». Как же! Они вообще их не читали. Тогда я интересуюсь – читали они хотя бы Уголовный кодекс? Ведь по закону они не имеют права…

– Бедные ребята! – не выдержала Тася. – Все, Копейкин, не хочу я больше этого слушать. Давай попрощаемся. Я сегодня должна была улететь в отпуск, но, как видишь, осталась дома. На самолет я опоздала, и настроение у меня на нуле. Если с меня еще и возьмут подписку о невыезде…

– Я, конечно, не специалист, но, по-моему, это определяет следователь в процессе следствия. Подписки берут лишь у подозреваемых, а ты пока что считаешься свидетелем.

– Это ты тоже почерпнул у Достоевского? – угрюмо спросила Тася.

Видение Ильи на роскошном старом автомобиле мелькнуло и исчезло. Вместо него перед ней по-прежнему маячила жизнерадостная физиономия второго бывшего мужа. Физиономия была гладко выбрита и сияла здоровьем, достойным этикетки на пакетике пророщенных злаков.

– В каком-то сериале видел или в журнале читал, я уж и не помню. Но я вот что хотел сказать. У меня к тебе потрясающее предложение.

– Ты неоднократно делал потрясающие предложения, от которых оторопел бы даже барон Мюнхгаузен. И все они без исключения заканчивались просьбой одолжить денег.

– Это неправда, – заволновался Копейкин. – Помнишь историю с золотом финских партизан? А перезахоронение мумии внебрачного сына фараона Тутанхамона? Разве я просил денег? Я предлагал тебе участие в интереснейших проектах! Мне нужны были только твоя смекалка, твой энтузиазм!

– Ты прекрасно знаешь, что я даже за город на пикник не люблю выезжать, а уж скитаться по лесам и пустяням… Можешь мне голову не морочить: ты специально меня звал, чтобы я отказалась, но денег предложила.

– Если ты так считаешь, я не буду тебя разубеждать, – с чувством оскорбленного достоинства ответил Юлий. И тут же снова воодушевился: – Но если бы ты знала, какая тема сейчас у меня в руках! – Он сделал большие глаза, наклонился вперед и свистящим шепотом произнес: – Речь идет о секретных распоряжениях вождей Третьего рейха.

Тася не впечатлилась. Она отодвинула стул, встала и пошла к плите варить кофе.

– Опять золото нацистов искать будете? – спросила она, обернувшись через плечо. – Не надоело? Его только ленивый еще не искал.

Копейкин поерзал на стуле, словно решая, открывать тайну или не открывать. Но тайна была горячей, как печеная картофелина, и он не смог удержать ее в руках.

– Дело не в золоте, Таисия! Хотя и его хочется найти, – честно прибавил он. – Распоряжение это открывает такие перспективы! Над ним, конечно, придется еще побиться…

– Вот и бейтесь. Хоть головой об стену! Детский сад, честное слово. Копейкин, ты бы занялся чем-то полезным. Вспомни, ты ведь археолог. Может, поищешь древние города какие-нибудь? Купи себе кисточку и совок, отправляйся на раскопки…

– Я бываю на раскопках! – всплеснул тот руками. – Но ведь до того, как начать копать, нужно провести предварительные исследования. И когда я их провожу, попутно обнаруживается масса интересных фактов, пройти мимо которых невозможно. Иногда они оказываются интереснее и важнее всего, чем я собирался заниматься изначально. Где, ты думаешь, я взял документ, про который тебе рассказывал?

– Понятия не имею. – Тася налила себе в чашку горячего кофе, добавила сливок и сахара. Кофе всегда был ее утешением в трудные минуты.

– Один мой университетский знакомый еще в восьмидесятые годы вел раскопки под Калининградом. И ему попался спрятанный в глубоком бетонированном блиндаже маленький железный ящик с документами, который бросили отступающие фашисты.

Одним ухом Тася все-таки слушала Копейкина, который был сладкоречивее Шахерезады.

– Мой знакомый передал документы в местный музей, – продолжал вещать бывший второй муж, – но несколько бумаг оставил себе – заинтересовался. Но потом про них позабыл… Спустя много лет он обнаружил документы в старой коробке и притащил мне, так как я довольно хорошо знаю немецкий. Таисия, – неожиданно прервал он сам себя, – так ты согласна участвовать в этом проекте или нет?

Он смотрел на нее с напряжением, как петух, сообразивший, что на обед у хозяев будет куриный суп.

– Конечно, нет! Почему ты считаешь, что очередная сказка про фашистов и сокровища меня вдруг заинтригует? Все, Копейкин, желаю удачи. А мне надо заниматься своим отпуском, пока он окончательно не пропал.

Тася отчаянно надеялась, что больше никаких кошмарных приключений с ней не случится. При воспоминании о трупе, прикованном к ее двери наручниками, сердце противно екало. Если бы можно было оставить Копейкина снаружи в качестве часового, было бы гораздо спокойнее. Но ведь этот тип бесплатно не останется, будет требовать денег, соблазняя ее фашистским золотом.

Она представила Копейкина, который, как Кот Баюн, бродит по лестничной площадке и безостановочно травит байки, и все соседи одновременно стучат по батареям, требуя, чтобы он заткнулся. А что, не такая уж и фантастическая картина!

* * *

– Артур, ты сегодня серо-зеленый, как Шрек, – усмехнулась Эльвира, стряхивая пепел в чашечку. – Встал не с той ноги?

– Да надоело все, – с кислой мордой ответил тот, едва пригубив безалкогольный коктейль, который Эльвира для него заказала.

Синяк под глазом за два дня потемнел и перестал быть таким страшным. Швыряев замазал его кремом из тюбика, который посоветовали ему продавщицы в магазине косметики, и теперь мог спокойно появляться на людях.

– Тебе хорошо, ты ни перед кем не отчитываешься, – продолжал жаловаться он. – Бегаешь по инвесторам, глазки строишь.

– И что с того?

– Мне тоже хочется большими делами ворочать.

Эльвира сначала прикусила губу, но все-таки не смогла сдержаться и презрительно сказала:

– Из малька селедки никогда не вырастет акула бизнеса.

– Ну, конечно, некоторым легко говорить. К тебе бабки рекой текут.

На загорелого Швыряева смотрели все девушки в ресторане, и он картинно откинулся на спинку стула.

– Текут, потому что я их направляю, – бросила Эльвира. – И еще тебя подкармливаю. Зарплату тебе плачу, если ты забыл. Причем за работу, которую

ты делаешь кое-как. Милый мой, мне нахлебники не нужны, ты неправильно понял ситуацию. Мне нужен соратник, партнер…

На физиономии Швыряева проступило самодовольство.

– А я разве не партнер? – Его улыбкой можно было смело пугать невинных дев.

– Я имею в виду деловое партнерство. – Эльвира смотрела на любовника в упор, как будто прикидывала, отправить его в расход сразу или еще немного повременить.

– Чего ты ко мне придираешься? – голосом обиженного ребенка воскликнул Швыряев. – Забыла, как по твоей просьбе мы организовали атаку на сайт министерства…

– Это не принесло ожидаемых результатов, – жестко прервала его Эльвира. – Соответственно и денег тоже.

– А когда мы распространяли по Сети компромат на депутата, который не расплатился с тобой за программу о хищениях нефти? – не сдавался тот.

– Ну вот, – Эльвира помахала сигаретой в воздухе, – ты буквально в двух словах перечислил все, что сделал за полтора года. На этом список твоих доблестей закончился. А теперь слушай внимательно. Ты числишься у меня администратором сайта, хотя на работе появляешься раз в неделю. Мой финансовый директор все уши прожужжал, чтобы я тебя уволила или уменьшила зарплату раза в три. Он ведь не в курсе наших с тобой особых отношений.

– А ты избавься от него, – посоветовал Швыряев, засунув в рот зубочистку.

– Естественно, я должна уволить человека, который приносит мне стабильный ежемесячный доход! Может, тебя посадить на его место?

– Ты же не знаешь, каков я буду на его месте? – хвастливо спросил тот.

Официантка подошла заменить пепельницу и зарделась, как роза, когда Артур словно бы случайно провел рукой по ее спине и чуть пониже спины. Эльвира вздохнула.

– Не знаю, но догадываюсь. Ты пустишь меня по миру. Но к тому, что ты бездельник, я привыкла. Однако появилась еще одна проблема. Не то чтобы она меня сильно пугает, однако может повлиять на некоторые стратегические планы, поэтому я хочу ее решить.

– Что еще за проблема?

Артур не любил проблем и обычно ловко от них уворачивался.

– Силуян пронюхал о твоем существовании, – сообщила Эльвира. – По крайней мере, он мне об этом прозрачно намекнул.

– И что теперь?

– Думаю, он не собирается мириться с тем, что из него хотят сделать посмешище. Он человек публичный, медийная фигура и наверняка не желает скандальных историй.

– С чего бы это вдруг? Он же старик. Ему положено быть рогоносцем.

– Артур, ты еще молодой и не понимаешь. Можно носить рога незаметные. Такие, знаешь ли, аккуратные рожки. А можно выставить их напоказ обществу, которое всегда радо таким историям. Вот Силуян и опасается, что ты своим безрассудным поведением его опозоришь. Рогами, знаешь ли, гордятся только олени.

– А не старые козлы, – процедил Швыряев сквозь зубы. – Но каким образом он узнал?

Эльвира раздраженно загасила сигарету в пепельнице. Окурок скрутился, как испорченный гвоздь.

– У моего мужа есть одна милая привычка – играть в межгалактических шпионов, – объяснила она, – которые прилетают на Землю и похищают лучших представителей нашей цивилизации, чтобы использовать в корыстных целях. Силуян может часами бродить по улицам, меняя одежду и внешность, подслушивать, подглядывать. Такая вот у него забава. Он как-то мне говорил, что это помогает ему в работе. Дает новый импульс творчеству. Думаю, он случайно наткнулся на нас во время одной из таких прогулок по городу. Или специально за мной следил.

– Чего он к тебе прицепился? Можно подумать, я у тебя первый.

Швыряеву была чужда ревность, и это Эльвиру задевало, хотя она свою обиду не демонстрировала.

– Не ко мне он прицепился, а к тебе! Конечно, голубь мой мускулистый, до твоего появления у меня были другие мужчины. Но они появлялись и исчезали незаметно, не привлекая внимания. А ты со своими безрассудствами, гонками на мотоциклах, драками в ресторанах и прочими выходками то и дело становишься объектом скандальных новостей. И меня можешь запросто втянуть в скандал. Сразу возникнет вопрос – что жена популярнейшего писателя-фантаста Силуяна Космоса делает ночью в клубе с известным тусовщиком и скандалистом Артуром Швыряевым? С тобой вечно происходят какие-то дикие истории, и я не желаю в них участвовать. В общем, дорогой, скорее всего нам придется на некоторое время расстаться.

Швыряев едва не подавился разжеванной зубочисткой.

– Ты шутишь? – воскликнул он. – Неужели так боишься своего шибздика?

– Силуян, в отличие от некоторых, неплохо зарабатывает.

Эльвира встретилась с Артуром взглядом. Если глаза – зеркало души, то его зеркало было кривым. И не как в комнате смеха, а как в лабиринте ужасов.

– Послушай, я обещаю, все будет по-другому. – В голосе Артура появилось нетерпение. – У меня уже есть план.

– У тебя? План? Не смеши.

Швыряев занервничал. Эльвира с самого начала казалась ему волшебной золотой рыбкой. Но сейчас он понял, что некоторые золотые рыбки исполняют только свои собственные желания. Поэтому торопливо заговорил:

– Да нет, серьезно. Я тут совершенно случайно вскрыл конфиденциальную переписку двух чудиков и наткнулся на такое! Как раз хотел с тобой обсудить, там зреет грандиозный проект на многие миллионы. А фантаста твоего я могу взять за глотку хоть сейчас. Он сразу от тебя отцепится. Не до того ему будет.

– Каким это образом ты можешь взять его за глотку? – небрежно спросила Эльвира.

На ее виске запульсировала жилка.

– Твой старикан своими активами управляет как дурак. Мой знакомый – хакер международного масштаба. Его ни ФСБ, ни ФБР накрыть не могут. Я навел его на эту тему, он готов войти в долю и вывести деньги твоего мужа. Ты знаешь, сколько их у него?

– Можно подумать, ты знаешь.

Швыряев мгновенно распушил хвост.

– Если он ничего не прячет на даче в стеклянных банках, то знаю. Миллионерами не станем, но на развитие твоего телебизнеса хватит. А он пусть новые зарабатывает. Но можем и просто его шантажнуть, чтобы сидел тихо и не рыпался. Ну, как тебе?

На его правильно вылепленном лице нарисовалась надежда. Сколько бы он ни пыжился, а Эльвира была ему нужна. Она умнее, решительнее и прозорливее него. С ней у него больше шансов довести до конца любое денежное предприятие.

– Насчет Силуяна я подумаю. Ты пока ничего не делай, надо все взвесить. Хотя мысль интересная. И переписка меня тоже заинтересовала – что там за дело на

миллионы? Ты не свистишь?

– Да чтобы я?.. – расправил могучие плечи Артур. – Хочешь, поедем ко мне, я тебе все покажу?

– Я вечером к тебе приеду, – пообещала Эльвира, искусственно смягчив голос. В этой мягкости не было ничего натурального – не шелк, а чистая синтетика. – Часиков в девять, идет? Только будь дома.

Это была кость, брошенная псу. Правда, пес слегка обнаглел и уже занес свои лапы на хозяйскую территорию… Но Эльвира полагала, что у нее еще есть шанс надеть на него строгий ошейник.

– У нас намечается деловое свидание или…

– Разберемся с делами, будет тебе «или».

– Значит, ты передумала меня бросать? – Швыряев улыбнулся, показав начищенные до блеска зубы.

Перед мысленным взором Эльвиры встала картина: сонный Артур стоит перед зеркалом в ванной и драит свою драгоценную эмаль, как салага палубу. И вот он, результат.

– Передумала. Ты меня заинтриговал, – призналась она.

А про себя подумала: «Ах ты, скотина тупоумная! Неужели ты не понимаешь, что, ограбив Силуяна, ты ограбишь и меня тоже?! Видишь ли, мы станем партнерами! То есть ты хочешь получить половину денег моего мужа, а значит, моих денег! Никогда этому не бывать!»

И Эльвира сладко улыбнулась любовнику.

* * *

Тася целый час придумывала, что сказать Илье. Сначала она не хотела говорить ему про труп и задумала сочинить какую-нибудь менее жуткую историю, из-за которой опоздала на самолет, но потом решила, что начинать отношения с вранья – плохая идея. Поэтому позвонила и выложила все, как есть, одним махом.

– Господи, Тася! Ты, наверное, до смерти перепугалась, – воскликнул Илья. – Ничего себе приключение…

Ни следа обиды в голосе, только сочувствие. Тася на секунду прижала телефонную трубку к груди и закрыла глаза. Может быть, Господь наконец посылает ей человека, о котором она так долго мечтала? Не спесивого индюка, не бандита, не афериста, а хорошего парня, с которым можно построить прочные, счастливые отношения…

– Надеюсь, тебя-то ни в чем не подозревают? – спросил Илья. – Или нам с тобой придется переносить отпуск?

Тася сказала, что ничего переносить не надо и что послезавтра она вылетает.

– Как ты думаешь, может быть, мне до отъезда переселиться к маме? – спросила она жалобно. – Вдруг эту девушку не просто так к моей двери приковали? Может, меня тоже хотят убить и к чему-нибудь приковать?

– Тась, да ты что? – опешил Илья. – Кто тебе может угорожать? Почему? С какой стати? Ну, хочешь, я приеду? Прямо сейчас рвану в аэропорт. Если ты боишься…

– Да нет, нет, не боюсь! – воскликнула Тася. – Просто немного не по себе. Жди меня в аэропорту послезавтра, как договорились, хорошо?

– Хорошо, – смирился Илья. – А с этой мертвой девушкой… Думаю, пошутил кто-то. Согласен, по-дурацки. Но у нас же дураками можно вымостить дорогу Москва – Владивосток в четыре слоя. Сама говоришь – смертельных врагов, чтобы устроить такую подлость, у тебя нет, в криминальной жизни нашей родины ты не участвуешь, в преступных группировках не состоишь. Выходит, это жестокие шутки молодняка или просто недоразумение. Скорее всего, перепутали квартиры. Несчастная девушка должна была напугать кого-то другого.

– Умеешь ты успокаивать. – Прежде хмурое лицо Таси немного просветлело.

– Приезжай скорее, я скучаю. И море по тебе скучает, оно сейчас теплое. Температура как на заказ, двадцать три – двадцать пять каждый день.

– Я бы и сегодня к тебе рванула, но билетов не было. Хотела поездом, но там на месяц вперед все распродано.

– Поездом долго, – поцокал языком Илья. – Тем более как же лимузин к трапу?

– А к вагону или перрону разве нельзя?

– Для тебя все, что угодно! В случае чего Макс поможет, он ужасно пробивной.

– Кто такой Макс? – озадачилась Тася.

Прежде ни о каких Максах речь не шла. Она была уверена, что отпуск они проведут с Ильем вдвоем.

– Да это приятель мой, вместе учились, – оживленно пояснил Илья. – Теперь оба сходим с ума от старинных автомобилей. Он вчера прилетел, ему предложили чудесный американский «фордик»… Впрочем, сама все увидишь и с Максом познакомишься. Давай прилетай. Тебя точно полиция из города выпустит? По допросам не таскают?

– Да нет, – успокоила его Тася. – С утра ходила к следователю, но что я могу рассказать? Да и он не особенно настаивал. Копытами землю не роет, это точно. Документов у девушки нет, никто ее не разыскивает. Принимала наркотики. То ли отравили, то ли сама отравилась.

– Ладно, давай не будем о грустном. Лучше готовься к отдыху.

А ей и готовиться было нечего. Собранный чемодан вторые сутки одиноко стоял в коридоре. Попугай Шура, обрадованный тем, что эвакуация в чужую квартиру не состоялась, лузгал семечки и периодически оглашал комнату одобрительными возгласами. Иногда он громко знакомо квакал, и Тася аж подпрыгивала от неожиданности.

Благодаря разговору с Ильей ее настроение начало выправляться. Теперь она не бегала то и дело в коридор и не прикладывала ухо к двери, проверяя, все ли нормально снаружи. Вместо этого она включила телевизор и завалилась на диван с книжкой в руках. И почти сразу заснула.

А проснулась от телефонного звонка. Нашарив трубку, приложила ее к пылающему со сна уху, и на нее сразу же обрушился разъяренный крик Рысакова:

– Ты зачем подослала ко мне своего кретина? Я его грохну, гадом буду! Повешу за ноги на фонарном столбе перед подъездом, и пусть вещает вместо громкоговорителя!

Тася не сразу поняла, о каком кретине идет речь. И тут же возмутилась:

– Ефрем, ну что ты несешь?! Кого я подослала?

– Муженька своего, идиота конченого. Сначала он ментов на меня наводит, потом херню несет, предлагает миллионы. За такой базар ему положено язык выдрать.

– Опять этот твой бандитский жаргон! – вознегодовала Тася. – К твоему сведению, Копейкин сам тебя нашел, я тут совершенно ни при чем. И он мне давно не муж, мы в разводе уже несколько лет.

– Да плевать мне, сколько вы в разводе, – Рысаков никак не мог усмирить свой темперамент. – Этот интеллигентский чих на меня следака навел!

– Перестань скрежетать зубами и объясни, что случилось.

– Что тебе сказать? – Ее собеседник немного сбавил тон. – Вызывает меня следователь и начинает допрашивать про какую-то бабу, которую будто бы я мог замочить. А я ночью только прилетел из Владивостока, устал, не выспался. Ничего не понимаю, естественно. Оказывается, у тебя проблема, а твой Гривенников…

– Копейкин, – поправила Тася.

– Какая разница! Стуканул, что я мог сотворить подобное. В смысле – убить и приковать наручниками к двери.

– А что, не мог?

– Мог. Но я этого не делал. Вдобавок у меня алиби. Короче, отпустили. Так этот…

Рысаков запнулся, подбирая определение, но Тася его опередила:

– Можешь пропустить нецензурные выражения. Рассказывай дальше.

– Он мне звонит и на голубом глазу, словно это не он меня закладывал, предлагает совместное дело. И долго, нудно, противно гонит чушь, от которой вянут уши. А голос – будто он на болоте родился.

– И что ты ему сказал? – спросила Тася с опаской и одновременно любопытством.

– Сказал, что сам он – Копейкин и дела его копеечные, – ответил Рысаков.

– Юлий наверняка оскорбился. Ведь он считает, что уже почти что завладел золотом нацистов. Хотел у меня денег занять на раскрутку. Пожалуй, это не лечится.

– Пусть еще раз придет, я его так вылечу, что век здоровым ходить будет.

– Да… – протянула Тася. – Повезло мне с вами… обоими. У других женщин разводы как разводы. Свидетельство в зубы и – прости-прощай! А я…

– Эх, дура ты, Таська, что меня бросила! Я ведь любил тебя. Не взбрыкни ты, мы бы с тобой жили душа в душу. Да я б на руках тебя носил. Вот хочешь, возвращайся ко мне и поглядишь.

– Ефрем, ты спятил?

– Да ладно, ладно… Это я просто так, на всякий пожарный. Я все равно во Владик переезжаю.

– Что, серьезно?

– Серьезнее не бывает. Думаю, это правильно, корни надо рубить, а то нормальной жизни в столице для меня нет. Пока! Может, еще свидимся.

Вопреки всякой логике Тася вдруг пожалела Рысакова и мысленно пожелала ему удачи и хорошей жизни в далеком Владике. Потом подумала, что Копейкин наверняка сбрендил, если додумался звать себе в соратники Ефрема, которого он знал только по Тасиным рассказам. Видать, у Юлия совсем плохи дела.

На следующее утро Тася первым делом побежала к двери и проверила, открывается ли она. С дверью все было в порядке, на лестничной площадке никого, и уже одно это страшно ее обрадовало. Тася отправилась в душ, и, как только вышла, зазвонил телефон.

– Румянцева Таисия Андреевна? – спросил казенный голос.

– Да, а в чем дело? – Она насторожилась.

– Вас беспокоит следователь…

У Таси мгновенно потемнело в глазах – она испугалась, что сейчас запретят ей выезжать из города и отпуск окончательно и бесповоротно накроется медным тазом.

– Я ведь давала показания, – растерянно заговорила она. – Я ничего больше не знаю. И девушку убитую не знаю. Я уже все вам рассказала!

В трубке немного помолчали, а потом вновь раздался тот же голос:

– Я не понял, Таисия Андреевна, кому и что вы рассказали?

– Вам!

– Мне? Но мы впервые с вами разговариваем. И о какой девушке идет речь?

– О той, которую приковали наручниками, – с опаской ответила Тася.

Она совсем не понимала, что происходит. Снова последовало молчание, потом мужчина, представившийся следователем, поинтересовался:

– Таисия Андреевна, у вас все в порядке?

– Даже не знаю, как ответить, – пробормотала Тася. – Сначала было не все в порядке, а сейчас вроде бы все… Но тут вы позвонили, и опять не все в порядке…

– Я хотел спросить, не могли бы вы приехать для опознания.

– А кого я должна опознать? – удивилась Тася.

Она ведь сто раз объясняла, что никогда прежде не видела убитую.

– Ефрема Георгиевича Рысакова.

– Что он опять натворил?! – Тася едва не подпрыгнула до потолка. Да будет ли этому конец?

– Ничего не натворил, – смиренно ответил следователь. – Он умер.

– Умер?!

– Тело обнаружили утром в здании аэропорта Домодедово. По нашим сведениям, родителей Рысакова нет в живых, семьи тоже нет. А вы его бывшая жена, правильно? Ничего не перепутали?

Тася закрыла глаза. Вероятно, где-то в небесной канцелярии ее занесли в черный список. И теперь каждый божий день будет происходить что-нибудь ужасное, что испортит ей не только отпуск, но и всю оставшуюся жизнь.

* * *

Расстояние от машины до офиса Эльвира преодолела со скоростью, которой позавидовал бы сэр Генри, узревший несущуюся к нему веселыми скачками собаку Баскервилей. Кометой пролетев по коридору, госпожа Хомячкова разметала группу мирно куривших сотрудников и едва не сбила с ног собственную секретаршу.

Приказав обалдевшей девице ни с кем не соединять и никого не впускать, Эльвира заперла дверь кабинета и, упав в кресло, потянулась к телефонной трубке.

«Горилла безмозглая, – продолжала она мысленно поносить Швыряева. – Вот погоди, я с тобой разберусь! Не видать тебе моих денег, как своих ушей».

Существует закон телефонной подлости, который гласит: если тебе нужно срочно кому-то дозвониться – забудь об этом. Аппарат абонента будет отключен или окажется вне зоны действия, или линия будет занята, или в трубке без объяснений повиснет гробовая тишина. Именно так сейчас и происходило.

«Да возьми же трубку, болван! – мысленно взывала она к Силуяну. – Твои бабки, возможно, уже сейчас растворяются в мировом пространстве, а ты болтаешься неизвестно где». Так, нервно набирая и сбрасывая номер, Эльвира провела целых полчаса. А счет, возможно, шел на минуты. Ни мобильный, ни домашний телефоны не отвечали.

Тогда она решила сосредоточиться и поразмыслить, где с наибольшей вероятностью ее драгоценный муженек может сейчас находиться. В магазины и по всяким мелким домашним делам он ходит с превеликой неохотой, в основном когда она выкрутит ему руки. Не исключено, что Силуян уехал в издательство, на переговоры, сидит в библиотеке или архиве, встречается с читателями, проводит автограф-сессию. Но как узнать, где именно? Кто может подсказать? Как назло, времени в обрез.

Эльвира вдруг подумала, что точный ответ может знать Румянцева, которая составляет для Силуяна план дня. Правда, она в отпуске уже несколько дней, однако наверняка расписала ему все по дням и минутам на месяц вперед. И отправила, как обычно, на электронку, а также распечатала и положила на письменный стол. Но звонить ей Эльвира не хотела, так как не питала к Тасе теплых чувств. Даже более того – она ее не любила. Слишком деятельна,

педантична, любознательна не в меру – с такой дружественный женский союз заключить невозможно, у нее служебный долг всегда на первом месте. Кроме того, слишком мила для помощницы и пресс-секретаря.

Впрочем, мысль о наличии плана дня Эльвире понравилась. Чтобы узнать, где сейчас муж, ей не нужно было звонить Румянцевой или ехать домой, смотреть бумажки. Эльвира всегда помнила, что самый дорогой товар – это информация, поэтому давно вооружилась паролем от почтового ящика Силуяна. Через пять минут она уже знала, что он в магазине «Книжный уголок» представляет новую книгу комиксов «СИКО: компромиссы для слабаков».

Эльвира усмехнулась – какие же тщеславные эти писатели! Ее муж назвал своего супергероя Сико – сокращенно от Силуян Космос. Может быть, он сидит за компьютером и целыми днями воображает себя молодым и непобедимым?

К ее великой досаде, двери магазина «Книжный уголок» оказались заперты. На тротуаре стояла довольно большая толпа удрученных поклонников Силуяна Космоса. Встреча оказалась юбилейной, и чтобы попасть на нее, требовался пригласительный билет.

Но Эльвиры это, разумеется, не касалось. С деловым видом она подошла к стеклянной двери, за которой маячила квадратная спина охранника, и громко постучала. Жена знаменитого писателя не сомневалась, что дверь немедленно распахнется перед ней, однако надежды ее не оправдались. Охранник нехотя повернул голову, бросил на нее равнодушный взгляд и снова отвернулся.

– Эй! – чуть не задохнулась от возмущения Эльвира и заколотила по двери еще громче.

Мерзкий тип даже не удосужился еще раз повернуть башку, а уж тем более подойти и спросить, в чем дело. Он поводил лопатками и, проигнорировав ее бурное негодование, тяжелыми шагами удалился в глубину зала.

Эльвира слегка оторопела от подобной наглости, но потом все же взяла себя в руки и огляделась по сторонам.

«Где-нибудь за углом наверняка должен быть служебный вход», – подумала она и двинулась вдоль здания магазина, огромная витрина которого пестрела рекламой на тему приключений Сико. Эльвира против воли пробежала глазами яркие строчки.

«Планеты, населенные землянами, в опасности! Отрицатели жаждут уничтожить нашу цивилизацию. Они действуют тайно, разжигая конфликты и провоцируя войны. Они маскируются и втираются в доверие, они могут обмануть любого из вас! И кто же встанет у них на пути? Межгалактический следователь, супергерой Сико!»

«Нормальная фантастическая лабуда, – сделала вывод Эльвира. – Почему, интересно, она пользуется такой бешеной популярностью? А может, это я чего-то не понимаю и Силуян действительно ужасно талантлив? Просто я так привыкла над ним подсмеиваться…»

Впрочем, сейчас ей точно было не до смеха.

«Идиотизм какой-то, до собственного мужа не доберешься!» – раздраженно подумала Эльвира и снова отправилась на поиски служебного входа.

Завернув за угол, она тут же увидела большую железную дверь и зацементированную площадку с эстакадой, куда подвозили товар. Дверь была слегка приоткрыта, и возле нее обретался грузчик с папироской в зубах.

Несмотря на то что конкуренция уже глубоко проникла в современное российское общество, грузчики на задворках магазинов водились прежней советской породы – вечно поддатые, плохо выбритые, ленивые и веселые. Со своими обязанностями они справлялись кое-как, но почему-то никогда не оставались без работы.

– Скажите, пожалуйста, – еще издали крикнула Эльвира, – это ведь вход в книжный магазин?

– Не, это не вход, – сообщил грузчик с улыбкой, освещенной золотым передним зубом. – Это выход. А тебе чего надо?

– Мне нужен Космос, – отрывисто бросила Эльвира, деловито взбираясь по ступенькам.

– Космос? Так это тебе на космодром! – захохотал грузчик, а потом попятился и совершенно неожиданно захлопнул дверь прямо перед ее носом. В воздухе от него остался лишь горький дымок дешевой папиросы, и Эльвира закашлялась.

– Да что сегодня, черт возьми, происходит?! – рявкнула она и в сердцах пнула дверь ногой. – Ну ладно, дорогие мои, вы меня еще плохо знаете… Вы у меня еще попляшете…

Она готова была рвать и метать, но необходимость встретиться с мужем как можно скорее снова заставила ее сосредоточиться. Вернувшись к главному входу, она увидела, что охранник уже занял свое «церберское» место. Что бы такое предпринять, чтобы вынудить его открыть дверь? Эльвира быстро огляделась по сторонам и сразу наткнулась взглядом на тощего сутулого мальчика со слезящимися глазами. Мальчик был бледен и наводил на мысль о затяжных компьютерных играх. Его тщедушный вид вполне мог вызвать жалость даже у такого индифферентного идиота, как охранник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/galina-kulikova/dva-uzhasnyh-muzha-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити